

Уроки
одольщения

Мой
желанный
и неприступный
маркиз

АЛЕКСАНДРА
ХОУКИНЗ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Мастера обольщения

Александра Хоукинз

**Мой желанный и
неприступный маркиз**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Хоукинз А.

Мой желанный и неприступный маркиз / А. Хоукинз —
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015 — (Мастера
обольщения)

ISBN 978-617-12-2028-7

Она – юная недотрога леди Темпест. Девушка много раз слышала от отца нелестные отзывы о Фейрлэмах и даже разделяла его мнение. Но случайная встреча с белокурым красавцем на берегу реки изменила все. Сначала она не догадывалась, что этот обаятельный мужчина – враг ее семьи. А когда узнала его имя, было слишком поздно... Он – маркиз Матиас, лорд Фейрлэм, привыкший кружить головы дамам, разбивший не одно женское сердце и... безоружный перед этой прелестницей. Что скажут его родные, когда узнают, кого он полюбил?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ISBN 978-617-12-2028-7

© Хоукинз А., 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	39
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александра Хоукинз

Мой желанный и неприступный маркиз

© Alexandra Hawkins, 2015

© Jon Paul, обложка, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2016

* * *

Удовольствие – это грех, а иногда грех – это удовольствие.
Лорд Байрон

Глава 1

Таверна «Черный козел» 1816 год

– Ты меня поражаешь, Фейрлэм. Обычно ты не столь беспечен. Но все же я не намерен искушать судьбу. Теперь ты видишь, что преимущество на моей стороне и я полностью завладел твоим вниманием... Ты готов принести извинения?

Любой другой, поумнее, кивнул бы и извинился. Но Матиас Рук, маркиз Фейрлэм, руки которого были заломлены за спину невидимым противником, находился в явно невыигрышном положении. Прищурившись, он смотрел, как к нему, упиваясь собственным превосходством, приближается знакомый темноволосый джентльмен.

Лицо Матиаса оставалось непроницаемым, но он отметил и его неряшливый смокинг, и небрежно повязанный галстук. Казалось, Оливер Брант, граф Маркрофт, в этот вечер уже с кем-то подрался или просто провел время в борделе. Матиаса не очень беспокоило, что Маркрофт подцепит сифилис от несчастной проститутки. Однако дамы высшего света были о нем довольно высокого мнения, тем более что граф был изысканным красавцем с волевым подбородком и высокими скулами.

Матиас же видел одно: ненависть, горящую в карих глазах соперника.

В возникшей неприятной ситуации винить приходилось только себя. В конце концов, он сам предложил приятелям перед возвращением домой заглянуть в эту таверну, выпить пару кружек пива. И сам же отослал приятелей за лошадьми, пока он будет расплачиваться по счету. Если бы все было иначе, их с Маркрофтом дорожки в этот день едва ли пересеклись бы.

К несчастью для всех присутствующих, именно из-за собственного решения он оказался рядом с Маркрофтом, ибо этому джентльмену всегда удавалось разбудить в нем зверя.

Матиас расправил плечи.

– Извинения? За что именно? Мои слова о том, что твоя любовница больше похожа на лошадь, не предназначались для твоих больших ушей, Маркрофт. Если ты обиделся на правду о своей милашке – жалуйся ее матушке и батюшке. Моей вины в том, что у тебя такой отвратительный вкус...

Боль фейерверком взорвалась в голове, когда правый кулак графа повстречался с левой скулой Матиаса. Голова маркиза дернулась вправо, из левого глаза посыпались искры, голова просто раскалывалась.

Матиас покачал головой, пытаясь избавиться от боли, как будто отряхивался от воды, вылитой на него из ведра. Презрительно усмехнулся, намеренно дразня противника.

– Должен признать – это достойный удар, Маркрофт! Вели своей дворняжке отпустить меня, и тогда посмотрим, чего ты стоишь, когда у противника развязаны руки – или ты у батюшки своего научился... нападаешь только на беззащитных?

– Я сам себе господин, – прорычал Матиасу на ухо тот, кто безжалостно заламывал его руки за спину.

Граф Маркрофт стал чернее тучи – несомненно, Матиас сумел нанести сокрушительный удар, даже не пошевелив и пальцем. Хотя сам Матиас не был лично знаком с отцом графа, маркизом Норгрейвом, до него доходили мерзкие слухи о чудовищных злодеяниях маркиза: всю жизнь он ради забавы не раз подстрекал неопытных соперников к дуэлям. А еще Матиас слышал, что его собственный отец, герцог Блекберн, когда-то считал маркиза своим близким другом, хотя и полагал, что это – явное преувеличение. Даже если бы герцог лично подтвердил, что слухи имеют под собой основание, Матиас никогда в это не поверил

бы. Его отец – уважаемый, достойный джентльмен. Он не имеет ничего общего ни с Маркрофтом, ни с его распутным отцом.

– Отпусти его! – отрывисто приказал граф.

«Давно бы так!» – зло подумал Матиас.

Но не успел Матиас высвободить руки, как Маркрофт нанес удар кулаком ему прямо в живот. Матиас согнулся пополам, внутренние органы подскочили, выражая молчаливый протест против такого жестокого обращения. Матиасу пришлось изо всех сил бороться с тошнотой: ему очень не хотелось, чтобы все то пиво, что он выпил с приятелями, выплеснулось наружу.

Граф ухватил затянутой в перчатку рукой Матиаса за плечо, нагнулся, чтобы их взгляды встретились.

– Я устал слушать, как ты бесстыдно метешь языком, упражняясь в тупоумии, Фейрлэм. Пока ты окончательно не опозорился, я готов принять твои извинения, а потом дать тебе уйти.

Матиас медленно выпрямился и нахмурился, заметив, что Маркрофт повторяет его движения. Господи боже, как же он презирает этого темноволосого громилу!

– Отчего же ты торопишься меня выпроводить, если приложил столько усилий, чтобы завладеть моим вниманием?

Граф чуть заметно наморщил лоб – было ясно, что этот тупица со стальными мышцами не смог оценить столь тонкую остроту.

Матиас сложил губы и послал воздушный поцелуй.

– Будьте осторожнее, сэр. Страсти до добра не доведут. – И в подтверждение своих слов Матиас провел пальцем вдоль ширинки бриджей, а потом поперек горла.

Завсегдатаи таверны замерли, заметив, как скептическое выражение на лице Маркрофта мгновенно сменилось возмущением от невысказанного обвинения. Спутник графа, который стоял у Матиаса за спиной, что-то пробормотал, но сам Матиас смог разобрать только слова «ухаживать» и «смерть».

В следующую секунду Маркрофт бросился на него.

Стороннего наблюдателя расслабленная поза Матиаса могла ввести в заблуждение: казалось, что он слишком пьян, чтобы защищаться. Хотя следует признаться, что, как только Матиас заметил графа, все выпитое пиво бросилось ему в голову, и он решил спровоцировать ссору. Как бы то ни было, но именно из-за этой склонности родные и друзья давно прозвали его Забиякой-Шансом.

К счастью, удача часто улыбалась ему.

Матиас не был готов к выпадку Маркрофта. В ответ он ухватил дорогой сюртук соперника за талию, мгновенно извернулся таким образом, что создалось впечатление, что они танцуют. Где-то на середине этого грациозного поворота Матиас ослабил хватку и отправил своего обозленного противника в ближайшую деревянную стойку. Все присутствующие в таверне вздрогнули, а стойка покачнулась, но устояла.

Лорд Маркрофт упал на колени, а потом повалился на бок. И даже не пытался сесть. Или вообще пошевелиться. Кто-то из присутствующих бросился к графу оценить серьезность полученных травм.

Громила, который минуту назад помогал сдерживать Матиаса, угрожающе шагнул ему навстречу.

– Ты за все заплатишь.

Матиас оставался безучастным.

– Не волнуйся, побитая молью дворняжка. Я всегда плачу по счетам. Кроме того, сильно сомневаюсь, что от такой ласковой плюхи хоть один зуб твоего приятеля покинул его непробиваемый череп.

Собеседник Матиаса раздул щеки, как будто не выдохнул, а выпустил горячий пар. Лицо его пошло красными пятнами, он сжал кулаки, готовый сию же минуту отомстить за Маркрофта. Но тут его внимание привлекло какое-то негромкое шарканье, взгляд переместился с лица Матиаса на источник звука за спиной. Блондин остановился настолько резко, что его едва не занесло.

– Долго же вы ходили, – произнес Матиас, даже не потрудившись взглянуть на двух джентльменов по обе стороны от него. Появление его двоюродного брата лорда Кемпторна и их общего доброго друга лорда Бастрелла означало, что обмен любезностями с Маркрофтом подошел к концу. – Пока вас не было, я оказался беззащитен и в меньшинстве.

– Да уж, вижу, – брат ухватил Матиаса за подбородок, чтобы лучше рассмотреть кровоподтек на щеке. Убедившись, что полученные травмы угрозы не представляют, он убрал руку и, прищурившись, посмотрел на человека, лежащего без сознания на полу. – Наказание ты мое! Это Маркрофт?

– Боюсь, что да, – ответил Матиас, пытаясь придать голосу хоть нотку раскаяния. – По-моему, он не слишком меня любит.

– Да уж, тут трудно спорить – определенно «не слишком», – согласился с этим утверждением Кристиан Лион, виконт Бастрелл. Все звали его Сент-Лион, видимо потому, что многочисленные романы с дамами из высшего света без слов говорили, что для этого обаятельного джентльмена нет ничего святого. С каменным выражением на красивом лице он смотрел на лежащего Маркрофта. – И очень сомневаюсь, что эта встреча поможет рождению ваших добрых отношений. Между прочим, лошади уже готовы. Полагаю, нам пора.

– Разумное решение, – ответил Матиас. Он открыл свой кошелек и вытащил гинею. Обращаясь к джентльмену, который называл себя приятелем графа Маркрофта, Матиас сказал: – К сожалению, нам пора идти, не дожидаясь, пока твой друг придет в чувства, пусть и те немногие, что у него есть. Поэтому давай сведем счеты.

Небрежно щелкнув большим пальцем, он подбросил монетку вверх. Когда посетитель шагнул ближе, чтобы перехватить эту монету, Матиас справа кулаком стукнул его прямо в живот. Матиас поймал золотую гинею и хладнокровно наблюдал, как соперник со стоном согнулся.

Матиас спрятал монету в кармашек своего жилета.

– Это тебе за то, что заламывал мне руки, – я вижу, ты уже научился у Маркрофта нечестным приемам. Думаю, на досуге тебе наверняка захочется еще раз оценить все преимущества дружбы с графом. Если нет, следующая наша встреча состоится на рассвете, на травянистой лужайке.

Матиас поднял голову и заметил изумленные лица своих спутников.

– По счетам уплачено. Может, уже пойдем?

Все молча наблюдали, как трое джентльменов направились к ожидающим их лошадям.

Матиас положил затянутую в перчатку руку на луку седла и пытался отдышаться, а его спутники грациозно запрыгивали на коней. Плечи Матиаса ломило из-за того, что ему грубо заламывали назад руки, а мышцы живота, защищающие его внутренности, болели от жестоких кулаков Маркрофта. Матиас размышлял о том, сможет ли он взобраться на коня без посторонней помощи.

– Сильно досталось? – приглушенным голосом поинтересовался его двоюродный брат.

– Со мной все в порядке, Торн, – заверил Матиас, обращаясь к кузену по прозвищу. И все же даже не сделал попытки запрыгнуть на коня.

Сент-Лиона, казалось, не убедили слова приятеля.

– Стоит минут на десять оставить тебя одного, как тебе удастся найти человека, который готов стереть усмешку с твоего лица. Что, черт побери, произошло? Судя по всему, Маркрофт не только изукрасил тебе лицо.

– Ну, ты же сам знаешь, что за человек Маркрофт. Зачем наносить один удар, если можно нанести несколько... Хватит меня опекать, со мной все будет в порядке. – Матиас поморщился, вставив ногу в стремя. Затем, охнув, быстро перебросил ногу через круп лошади и уселся в седло.

– Почему ты не послал за нами слугу? – гневно вопрошал Торн, рассердившись на своего двоюродного брата.

Слава богу, что его брат-близнец, Гидеон, был сейчас за границей. Вместе братья были угрозой для любого противника. Но когда дело касалось членов семьи Брант, помощь была не нужна.

– И спугнуть Маркрофта? – фыркнул Матиас. – Я рассчитывал, что он наверняка воспользуется численным преимуществом.

Глаза виконта понимающе блеснули, когда он искоса взглянул на Матиаса.

– Значит, именно поэтому ты отослал из таверны нас обоих? – произнес Сент-Лион, недоверчиво покачивая головой. – Надеюсь, нашлась весомая причина, чтобы позволить графу оттачивать мастерство на твоём лице?

Матиас коснулся припухшей щеки и поморщился.

– Ты хочешь меня обидеть. Только не забывай – это не я остался без сознания на грязном полу таверны.

– Черт побери! – пробормотал Торн. – Ты спровоцировал его, заставил напасть на себя, чтобы потом избить? – По голосу кузена было слышно, что его изумила подобная стратегия.

Матиас в ответ пожал плечами.

– Я же не утверждал, что действовал разумно. Кроме того, я уже не в первый раз теряю голову, когда вижу Маркрофта. Как же я его презираю!

– В этом вы с ним похожи! – сухо заметил Сент-Лион. – Я тоже этого мерзавца не жалую, но было бы лучше, если бы ты избегал встреч с ним.

Родители, герцог и герцогиня Блекберн, уже множество раз повторяли ему то же самое. Между родителями Матиаса и родителями Маркрофта, маркизом и маркизой Норгрейв, задолго до его рождения случилась какая-то неприятная история. И несмотря на то что он не знал всех подробностей, Бранты были его врагами.

– Отличный совет, но практически невыполнимый. Маркрофт был для меня занозой в заднице с самого детства. И с годами его характер лучше не стал.

Матиас с Маркрофтом обменивались как физическими, так и словесными ударами с самой первой своей встречи. И никто не верил, что что-либо в их будущих встречах сможет поменяться к лучшему. Только шпага или пуля в сердце графа могла остановить докучливого джентльмена от вмешательства в дела Матиаса.

– Если уж мы вспомнили о скверном характере Маркрофта... Наверное, нам стоит уехать, пока он не очнулся, – заметил Торн, кивая в сторону таверны. – Твой отец и так расстроится, когда узнает, что на тебя напал один из Брантов. Да еще рядом с домом.

Матиас крепче вцепился в поводья.

– Сколько раз повторять? Никто на меня не нападал. И, по-моему, победителем из стычки вышел я. – Он вздохнул. – Позволь мне самому поведать эту историю, договорились? – Он прищипорил коня.

Сент-Лион расхохотался за спиной у приятеля.

– Думаю, их обмануть не удастся, друг мой. Как ты намерен объяснить родителям побитое лицо?

Виртуозную брань Матиаса заглушил громкий хохот его приятелей. Лошади скакали во весь опор, и расстояние между маркизом и его врагом все увеличивалось.

Глава 2

Через несколько часов после примечательной встречи в таверне Матиас подходил ко входной двери, подходил в одиночку. Сент-Лион и его кузен задержались в конюшне, давая маркизу возможность оправдаться перед родителями. Молодой человек раздумывал, как объяснить родителям, почему он явился домой в столь поздний час. Мало того что он явился на несколько дней позже, он к тому же на три часа опоздал к завтраку. С тех пор как Матиас достиг зрелости – двадцати двух лет – он считал, что обязанность представлять перед родительскими очами в образе блудного сына оскорбляет его достоинство. Впрочем, если все пойдет по намеченному плану, ему сегодня придется это делать в последний раз.

– Доброе утро, Макки, – от души приветствовал он дворецкого, передавая ему свою шляпу и перчатки. Этот человек стал служить его отцу, герцогу Блекберну, задолго до того, как тот женился на леди Имоджин Сантер. Верный слуга мог бы уже давно, причем с благословения его родителей, получать щедрую пенсию, однако считал своим долгом присматривать за семейством Рук. Подобная преданность делала его почти членом семьи.

– Как всегда, лорд Фейрлэм, – ответил Макки, как будто в приветствии Матиаса звучал вопрос. – И если не ходить вокруг да около – глядя на вас, этого не скажешь!

Матиас засмеялся, притворяясь, что подобное мягкое порицание относится к его опозданию.

– Как всегда.

Его матушка любила подтрунивать над отцом, уверяя, что тот должен винить самого себя за то, что произвел на свет свою точную копию. И любое сравнение с отцом было для Матиаса высшей наградой. Он заработал свое прозвище «Шанс» еще до того, как научился говорить. Много позднее его уже не такие невинные забавы за карточным столом и другие безрассудные поступки и проказы вместе с приятелями привели к тому, что Шансом его стали называть уже не только члены семьи.

– Надеюсь, наш повар не против накормить еще парочку ртов? – поинтересовался Матиас, намеренно пряча синяк на лице от пронизательного взгляда дворецкого. – Со мной приехали Торн и Сент-Лион. Мы планируем вместе вернуться в Лондон.

– Я немедленно распоряжусь, чтобы им приготовили комнаты, – сказал дворецкий, многозначительно глядя на Матиаса, когда тот стал бочком обходить старика слугу. – Как долго лорд Кемпторн и лорд Бастрелл планируют у нас гостить?

У Матиаса были свои причины побыстрее вернуться в Лондон, но он не имел ни малейшего желания делиться сведениями с Макки. Маркиз мог бы отправиться сразу в Лондон, однако уже целый месяц не видел родителей. Матиас очень соскучился по своей красавице матери и чрезмерно опекающему его отцу. Они даже повздорили на эту тему, когда он отправлялся в одно из семейных поместий на севере, и сейчас Матиас сожалел о том, что они так холодно расстались. К тому же были еще младшие братья и сестры: Бенджамин, которому уже исполнилось двадцать и который тоже ощущал на себе бдительное отцовское око, Онор, которой исполнилось семнадцать – и она не могла дожидаться, когда же ее представят ко двору. Пятнадцатилетняя Мерси, которая не проявляла желания знакомиться с высшим светом Лондона, застенчивый двенадцатилетний Фредерик, который предпочитал общество животных и книг обществу людей. И малышка Констанция, которой было всего семь, – младшая дочь в семье Рук. Он даже не подозревал, насколько сильно он по ним соскучился.

– Мы еще не решили. Может быть, останутся на пару дней, может, на неделю.

Макки невозмутимо кивнул, ничуть не смутившись неопределенным ответом Матиаса.

– Очень хорошо. Ваша матушка сокрушается, что вас все чаще не бывает дома. Она обрадуется, что вы с друзьями погостите у нее.

– Если родители не передумали, я обязательно увижусь с ними в Лондоне, – заметил Матиас, преисполненный чувства вины, которое зародилось в душе и сжимало сердце.

– Ваши родители планов не меняли. Однако у каждого свои предпочтения – развлечения молодого человека не всегда совпадают с развлечениями его семьи.

– Откуда ты...

– Кто, по-вашему, приглядывал за вашим батюшкой, когда он потерял родителей? Он был еще моложе вас, когда унаследовал свой титул, поэтому я предполагаю, что ему лучше многих известно, насколько юный джентльмен жаждет свободы.

Интересно, а его отец обращался к старику Макки за советом после отъезда сына? Задел ли его отъезд отца за живое? Мучимый сомнениями, Матиас отвлекся и опустил голову.

А Макки только этого и ждал. Молодой человек поморщился, когда дворецкий крепко ухватил его за подбородок и развернул лицо так, чтобы получше рассмотреть синяки.

– Вы подрались! – спокойно заметил дворецкий. – Вы повздорили с кузеном? Лордом Бастреллом?

– Нет! – Матиас мотнул головой, высвобождаясь из рук дворецкого, и отошел подальше. – Я даже не дрался. В таверне произошел неприятный инцидент.

– С кем? Отец обязательно захочет узнать.

Именно этого разговора он намеревался избежать любой ценой. Если он упомянет фамилию Брант в присутствии родителей, последствия могут быть непредсказуемыми. Когда дело касалось маркиза Норгрейва, разум отца сразу переставал ему служить. Матиас отлично это понимал. Что-то в поведении сына маркиза провоцировало его на жестокость. Наверное, неприязнь у него в крови, передалась от отца сыну.

– Ни с кем. Нарвался на кулак одного хулигана. В таверне было слишком много людей. Такое происходит сплошь и рядом, – ответил он, не обращая внимания на недоверчивое лицо старого слуги. – Я буду благодарен, если ты не скажешь об этом родителям.

Макки усмехнулся.

– Полагаете, вы сможете это утаить?

Матиас подошел к большому прямоугольному зеркалу, висящему на стене, и взгляделся в свое отражение. Потрогал небольшую припухлость на щеке. Поморщился. За минувшие несколько часов синяки потемнели. И, несмотря на то что Торну и Сент-Лиону было отлично известно о вражде между семьями Рук и Брант, он все же напомнил приятелям, чтобы те не упоминали имя Маркрофта в присутствии его отца. Если повезет, ему удастся придумать разумное объяснение, которое удовлетворит его обеспокоенную семью.

– Кровоподтеки не так заметны, – солгал он, но дворецкий за спиной только фыркнул.

– Скажу-ка повару, чтобы приготовил припарку – посмотрим, можно ли снять отек. – Макки повернулся в сторону кухни. – Прежде чем подняться к себе в спальню, загляните в библиотеку, поздоровайтесь с родителями, как примерный сын.

Матиас нахмурился. Он не был готов к встрече с родителями и не знал, как объяснить появление синяков у себя на лице.

– А как же примочки?

– Милорд, не ждите от примочек чудес. И от матушки не спрячетесь. Ступайте к родителям. Я прослежу за тем, чтобы ваши друзья хорошо устроились в своих комнатах.

– От тебя пользы чуть, Макки, – пробормотал он.

– А вы слышали, что я упомянул фамилию Брант? – Хитрый старый слуга кивнул, когда Матиаса передернуло. – Я тоже так подумал. Ступайте! И ступайте не спеша, чтобы у вас было время придумать историю поубедительнее, чем лепет о том, что вы нарвались на кулак незнакомца.

Несмотря на то что у дворецкого были причины подтрунивать над маркизом, гордость Матиаса была так же уязвлена, как и его щека. К тому же он воспользовался советом старика и с пользой употребил те минуты, которые ему понадобились, чтобы дойти до библиотеки. К сожалению, идти по только что отполированному мраморному полу, выложенному мозаикой, было не так далеко. Когда он оказался у входа в библиотеку, то заметил, что кто-то не потрудился закрыть двустворчатые двери. Через широкую щель открывался неплохой, хотя и ограниченный обзор. Матиас уже потянулся к блестящим латунным дверным ручкам, но замер, заслышав голос отца. Сколько раз в детстве он стоял у этих дверей, а его сердце переполняли страх и раскаяние из-за какого-то мелкого проступка? Даже не перечесать! Оглядываясь назад, он признавал, что отец всегда поступал справедливо, хотя, когда был малышом, он воспринимал наказания иначе. Выходит, с тех пор изменилось немного, если звук отцовского голоса разбудил в нем те детские чувства, которые, как он полагал, уже давным-давно остались в прошлом.

Мрачные мысли тут же рассеялись – маркиз услышал негромкий, с хрипотцой женский смех. Это мама. Имоджин Рук, герцогиня Блекберн. Уже сам звук ее голоса заставлял напряженные плечи расслабиться. Дочь герцога, она обладала врожденной грацией и умением держаться в свете. Эти качества прекрасно дополняли силу и высокомерие его отца. Если кто и способен был удерживать мужчин от того, чтобы они перегрызли друг другу глотки, соперничая в мелочах, то это его мать.

Матиас подался вперед, чтобы заглянуть в щелку между створками двери и практически мгновенно заметил, что его опоздание не слишком занимает мысли герцога и герцогини. Отец обошел письменный стол с намерением отобрать какую-то безделушку, которую прятала в руке мама. Через приоткрытые двери Матиас заметил, насколько герцог был поглощен женщиной, которая откровенно кокетничала, делая вид, что хочет ускользнуть от него. Сам Матиас прекрасно видел, что его отец просто играет со своей добычей. Любой, кто был знаком с герцогом Блекберном, знал, что он совершенно без ума от герцогини. Матиас и его младшие братья и сестры с первых дней жизни наблюдали, как их родители играют в эту игру. В конце герцог всегда ловил свою леди.

Возможно, со стороны Матиаса невежливо было подглядывать, но от него не укрылось, что мать только самую малость сопротивлялась ухаживаниям мужа. Дважды обогнув стол и один раз мягкий диван, отец наконец поймал свою герцогиню за бедра.

– А теперь ты готова поступить разумно? – спросил герцог Блекберн, прижимая к себе жену.

– Нет, не готова! – ответила герцогиня, не разжимая кулачка за спиной. Она поцеловала мужа в подбородок, чтобы отвлечь его и выскользнуть из крепких объятий.

Ей это удалось, и она, смеясь, побежала к столу. Изумленный Матиас покачал головой, когда отец бросился следом. Семья Рук имела достойную репутацию в свете. Но, очевидно, все понятия о приличиях были сегодня забыты. Никто бы ни за что не догадался, что его отец в следующем году отметит пятидесятилетие. Особенно когда герцог ведет себя как томящийся от любви юнец.

Матиас оглянулся в сторону прихожей, откуда донесся звук открываемой двери и голоса Торна и Сент-Лиона – джентльмены приветствовали Макки. Довольно скоро приятели начнут его разыскивать, поэтому Матиасу необходимо покончить с неприятным разговором с родителями.

Матиас ухватился за обе дверные ручки, распахнул двери, чтобы войти в библиотеку. Сделал два шага и застыл. Пока он отвлекся на голоса приятелей, его отцу удалось поставить герцогиню в очень компрометирующую позу. Его изящную мать распластали на столе; обычно аккуратная прическа растрепалась, потому что отец крепко обхватил ее затылок, чтобы запечатлеть на губах страстный поцелуй.

У Матиаса уже было пятеро младших братьев и сестер, и ему совершенно не хотелось стать свидетелем зачатия шестого. Из уважения к матери Матиас потупил взгляд и предусмотрительно кашлянул в кулак.

Он поднял голову, когда мама негромко ахнула. Герцогине пришлось откидывать голову назад, чтобы удостовериться, что в дверях стоит ее первенец.

– Матиас! – Герцогиня Блекберн попыталась оттолкнуть мужа, но ее суета лишь позабавила герцога. – Дай мне встать, негодник! – велела она, виновато глядя на сына. – А мы тебя не ждали.

Герцог озорно улыбнулся сыну.

– Для беспокойства, любимая, нет причин, – пробормотал он, галантно помогая жене встать со стола. Он игриво потянул ее за лиф платья. – Уже не в первый раз наши дети застают нас за поцелуями. И не в последний, надеюсь.

– Неужели ты не можешь хоть слегка изобразить раскаяние, когда наше поведение шокирует детей? – прошептала сконфуженная мать, взяла со стола упавшую шпильку и закрепила выбившуюся прядь белокурых волос. Герцогиня шагнула к сыну, он пошел матери навстречу.

– Как хорошо, что ты снова дома! – сказала она, обнимая Матиаса. Он опустил голову, мать поцеловала его в щеку. Все еще занятая своими чувствами, герцогиня сразу не обратила внимания на кровоподтек у него на щеке. Но когда кончиками пальцев коснулась опухшего лица сына, тут же прищурилась: – Боже правый! Что ты с собой сделал?

– Если бы это сделал я, было бы не так больно, – заметил Матиас, встретившись с удивленным отцовским взглядом. – Не волнуйтесь, матушка. Уже почти ничего не заметно. – Он в отчаянии смотрел на отца, молча умоляя его прийти на помощь. – Я прекрасно понимаю, что опоздал, да и время, чтобы все же появиться, я выбрал неудачное. Примите мои искренние извинения. Оба.

– Что за вздор! – возразила мама, отходя в сторону, чтобы сын мог должным образом поздороваться с отцом. – Я очень хочу знать, что произошло...

– Имоджин, дай парню дух перевести. Извинения принимаются, – вкрадчиво произнес герцог, пожимая руку сыну. Герцог подмигнул, когда положил вторую руку Матиасу на плечо и коротко обнял сына. – Однако время ты действительно выбрал исключительно неудачное... еще пара минут, и мы бы с твоей мамой...

– Ваша светлость, еще одно слово – и будете ночевать на конюшне! – предостерегла мама, заливаясь краской от подтрунивания мужа. Она коснулась руки Матиаса – она была мастерица сменить тему разговора. – Сынок... ты приехал один... или привез с собой друзей?

– Мы приехали с Торном и Сент-Лионом, – ответил он. – Обещаю, мы недолго будем вам докучать.

Мама наморщила носик и отмахнулась от сыновних обещаний.

– Оставляйтесь столько, сколько заходите. Но мы уже готовимся к поездке в Лондон. Если хотите, вы с друзьями можете отправиться туда вместе с нами.

– Дорогая, я очень сомневаюсь, что Шанс, Торн и Сент-Лион захотят обременять себя нашим семейством. – Герцог многозначительно взглянул на сына. – Насколько я понимаю, как только мы обсудим вопрос с поместьем, вы незамедлительно отправитесь в Лондон.

Матиас так и хотел сделать, но промолчал, заметив разочарование на мамином лице.

– Мы планируем погостить недельку, а потом вернемся в Лондон.

– Вернетесь? – вежливо переспросила она.

Взгляд отца посуровел от оговорки сына. Матиас поморщился и мимоходом почесал затылок.

– Мы... Я ненадолго останавливался в Лондоне перед тем, как вернуться домой.

– И дела были настолько важными, что не могли подождать? – поинтересовалась герцогиня, сбита с толку решением сына. – Там ты и нашел неприятности, так тебя разукрасившие?

Неприятности? Матиас нахмурился. Ах да, его лицо. Он не собирался упоминать имени Маркрофта. Никогда.

– Нет, не в Лондоне. Это случилось в таверне «Черный козел»... да это неважно. Небольшое недоразумение.

– О да, я вижу!

К сожалению, всем своим поведением он показывал, что матери все же удалось спутать его мысли, и он не мог, как ни пытался, придумать правдоподобное объяснение своим синякам. Он поцеловал мать в щеку.

– Не стоит тревожиться. Это не стоящий внимания инцидент. Случается сплошь и рядом. – И заметив ужас на ее лице, исправился: – Нет-нет, не сплошь и рядом. Забудь все, что я сказал, – вздохнул Матиас.

Отец засмеялся.

– Имоджин, ты смущаешь парня. От пары синяков еще никто не умирал. – И чтобы не обидеть ее мягким укором, он обнял жену. – Я уверен, что у Шанса в городе были неотложные дела. Я прав?

– Да, – кивнул Матиас, испытывая благодарность к отцу за помощь. – Ничего важного, но у меня появилась возможность обследовать помещения и нанять прислугу.

– Очень мило, но в этом не было нужды... еще месяц назад твой отец написал адвокату и сообщил о нашем приезде, – объяснила герцогиня.

– Прости меня, но я имел в виду другой дом. – Он взглянул на отца. – Чтобы не снимать номера, я решил открыть старый дом твоей матери. – В комнате возникло едва уловимое напряжение, от которого у Матиаса сразу же зачесалась шея. – В прошлом году ты предлагал мне поселиться там, отец. Неужели передумал?

Герцог Блекберн покачал головой. Шагнул вперед, ловко оттесняя сына к двери, уводя подальше от герцогини.

– Нет, конечно, не передумал. Дом твой, ты волен распоряжаться им, как пожелаешь.

Матиас бросил настороженный взгляд на молчащую маму.

– Меня там ждут Сент-Лион с Торном. Давайте обсудим дела за ужином?

– Мы можем о поместье и завтра поговорить, – легко согласился герцог. – Тебе, наверное, пора к друзьям.

Отец не оставлял ему ни малейшего шанса. Дверь закрылась у него прямо перед носом – он даже не сумел попрощаться с матерью. Матиас глубоко вздохнул, медленно выдохнул. С самой сложной частью визита было покончено. Улыбнувшись, Матиас отправился искать приятелей.

А тем временем оставшийся в библиотеке герцог Блекберн отвернулся от двери и вновь подошел к жене.

– Сильно сердишься? – негромко поинтересовался он.

От напрямую заданного вопроса рассеянный взгляд Имоджин прояснился, она вздернула вверх подбородок.

– А с чего бы мне сердиться?

– Из-за того, что я предложил Матиасу распоряжаться домом, не посоветовавшись с тобой. Я бы раньше тебе рассказал... – Остаток извинений он проглотил, когда жена резко подняла вверх руку, призывая герцога молчать.

Она отвернулась, обхватила себя за талию, чтобы успокоиться, – этот жест задел герцога за живое.

– Мне следовало давно сжечь этот дом дотла.

Заслышав отчаяние в голосе мужа, Имоджин взглянула на него. Герцогиня села на диван. Скрестив руки на груди, она пальцами поглаживала предплечья.

– Ты двадцать четыре года назад уже мне это предлагал. Если помнишь, я тебе ответила отказом.

Тристан подошел к дивану, опустился перед женой на колени.

– Ты обиделась.

Она покачала головой, но глаза наполнились непрошеными слезами.

– Это просто дом. Всего лишь дом.

Обезоруженный герцог не знал, кого Имоджин пытается убедить.

– Я могу забрать свое предложение назад. Могу сказать ему, что уже сдал дом.

На лице герцогини появилась кривая улыбка.

– Ты очень редко сдаешь этот дом. Кроме того, он уже его осмотрел. Матиас сразу поймет, что ты его обманываешь, и станет задавать вопросы.

– У парня будут иные заботы, если он решится послушаться, – мрачно пообещал он. Герцог злился на самого себя. Несмотря на все ее заверения, ему следовало понимать: сама мысль о том, что кто-то из их детей поселится в этом злосчастном особняке, наверняка ее расстроит. – Прости меня.

Он зарылся лицом в ее юбки и вздохнул, находя успокоение в ее запахе. Тристан от прикосновения жены закрыл глаза.

– Мне не за что тебя прощать, любимый. Мы уже обсуждали это много лет назад, когда стало очевидно, что Матиас стремится к независимости. Он все меньше времени проводит с нами, поэтому я понимаю... – Она задрожала.

Тристан поднял голову с ее колен, обхватил ладони.

– Это всего лишь дом. Неужели если мы оставим его пустовать годами, то сможем изменить прошлое?

В душе герцога бурлила застарелая ненависть.

– Нет. И тем не менее... никогда не поздно сжечь этот дом дотла.

С губ герцогини слетел то ли негромкий смех, то ли всхлип.

– Я тебе верю. Но мои чувства неизменны. Тот особняк перешел тебе по наследству от матери, и теперь ты отдаешь его нашему сыну. Кроме того, сжигать недвижимость только потому, что меня напугало сообщение Матиаса – слишком дорогое удовольствие.

Тристан обхватил ладонями лицо жены.

– Ты не просто испугалась, дорогая.

Имоджин не стала отрицать очевидное.

– Мы не можем, как в детстве, следить за каждым его шагом. Я боюсь, что... кто-то... сможет ему рассказать.

– Имоджин, это было двадцать четыре года назад. Нет причин ворошить прошлое.

Тристан усадил жену себе на колени, она не сопротивлялась, когда он усаживался поудобнее. Имоджин прижалась к мужу теснее, зарывшись лицом ему в шею. Оба молчали, но герцог мысленно возвращался к тому дому, который унаследовал от матери. Старый особняк был роскошным подарком из времен его бурной молодости и источником болезненных воспоминаний. Двадцать четыре года назад ему захотелось стереть с лица земли это проклятое место. Однажды вечером, в приступе пьяного гнева, он поджег старую спальню своей матери, и все восточное крыло пострадало от огня. Имоджин не спросила тогда, что им двигало. Именно по ее настоянию крыло восстановили. До сего дня его жена никогда не возвращалась в тот дом. Да и Тристан тоже избегал посещать особняк.

Наверное, у него помутился рассудок, когда он предложил Матиасу использовать особняк по собственному усмотрению.

Тристан еще крепче обнял жену. Он очень хотел, чтобы Имоджин поступила с этим особняком, как ей заблагорассудится, но если ее настолько расстраивает сложившаяся ситуация – он намерен ее исправить. Матиас может пожить в другом месте.

Мысли герцога привычно омрачились, когда в памяти всплыло еще одно имя. Ему показалось, что повеяло затхлостью из комнаты, которая годами была заперта на замок. Этот человек был виновен в бедах Имоджин больше, чем сам особняк. И из-за воспоминаний Тристан злился сильнее, чем хотел показать жене: ведь это было напоминанием о том, что один раз он уже подставил ее под удар. Больше никогда. Только не ее. Только не свою семью. Если этот человек посмеет только приблизиться к Матиасу или кому-то из членов семьи – ублюдку не сносить головы.

Глава 3

Леди Темпест Элизабет Брант казалось, что день сегодня прекрасен как никогда. На небе ни облачка, воздух ароматен и свеж, благодаря легкому ветерку жара совсем не чувствуется. Стоя с альбомом для эскизов под мышкой, девушка оглядывала окрестности. Ее брат Оливер принес для нее стул и мольберт, чтобы она могла продолжать работать над пейзажем, эскизы которого набросала еще вчера. Однако она усидела за работой только час. Девушка решила прогуляться, чтобы размять затекшие ноги.

Ее младшие сестры, конечно, тут же заметили это. Арабелла оторвала взгляд от книги, которую держала в руках, прищурилась – прямо в глаза ей ударило солнце. В свои девятнадцать она превратилась в настоящую красавицу. Белокурые волосы и карие глаза делали все более заметным для всех ее сходство с матерью. Рядом с ней была десятилетняя Августа. Самая юная из семьи Брант лежала на животе, рассматривая то ли муравьишку, то ли другое насекомое, которое привлекло ее внимание. Рядом в кресле сидела их наставница, миссис Шиэн. Ее, тридцатидвухлетнюю вдову, наняли полгода назад, чтобы сопровождать девиц Брант.

– И куда это вы собрались, леди Темпест? – поинтересовалась миссис Шиэн, даже не отрываясь от шитья.

– Я тут недалеко, – ответила та, похлопав по альбому. – Подумала, что похожу вокруг, присмотрю интересные места для набросков.

Августа улыбнулась сестре.

– Ты будешь снимать туфли и чулки, чтобы перейти вброд реку?

– Нет, разумеется, – ответила Темпест, прекрасно понимая, что именно так бы и поступила Августа, случись ей остаться без присмотра. Маленькая речушка была чрезвычайно живописной, но слишком мелкой даже для небольших шлюпок. – У меня нет желания остаток дня ходить с грязью, засохшей между пальцами.

Это благовоспитанное высказывание лишь насмешило Августу.

– Хочешь, составлю тебе компанию? – спросила Августа. – Я позже дочитаю.

Темпест покачала головой.

– Не нужно. Честно признаться, я ищу причину размять ноги.

– Ты до сих пор злишься на Оливера за то, что он оставил нас одних? – спросила Августа.

– Я совсем на него не злюсь.

На самом деле Темпест немного рассердил поступок брата. Несколько дней он ходил угрюмым и готов был наброситься на любого, кто решится с ним заговорить. Никто не понимал, в чем причина, но лоб Оливера украшал ужасный кровоподтек. Опять этот несносный с кем-то подрался – ничего нового. Несмотря на то что чаще всего он вел себя достаточно сдержанно, нрав у брата был взрывной.

И не только у него. Похоже, Оливер снова повздорил с их отцом, маркизом Норгрейвом. Брат отказался объяснять, что случилось, но когда маркиз велел сыну сопровождать сестер, Оливер воспринял отцовский приказ как наказание. Вероятно, всему виной была драка. И Темпест решила, что подробности уже значения не имеют. Оливер сопровождал их к реке. Как только они расположились на берегу, он отвязал одну из лошадей и сообщил, что через пару часов вернется.

Таким образом он, с одной стороны, исполнил отцовскую волю, а с другой стороны – ослушался его.

Оливер знал, что сестры ни слова отцу не скажут, а миссис Шиэн была настолько очарована молодым графом, что никогда бы его не предала. Поскольку сам Оливер не пояснил,

куда направляется, Темпест предположила, что он отправился на поиски своих приятелей или к одной из местных дам, с которой сейчас делит ложе.

Темпест не должна была даже догадываться о подобных вещах, но ей уже исполнилось двадцать два, и она была старшей из дочерей маркиза и маркизы Норгрейв. Поистине удивительно, сколько может узнать леди, если будет внимательной.

– Кроме того, Оливер нас не бросал. Он обязательно вернется.

– Конечно, вернется, – пробормотала миссис Шиэн, мельком оценивающе взглянув на Темпест. – Вы ничего не забыли, леди?

Темпест нахмурилась. У нее был с собой альбом для эскизов и карандаш.

– По-моему, нет.

Наставница постучала пальцем по виску.

– Ваша шляпка, дорогая. Вам никогда не захомутать изысканного лондонского джентльмена, если все ваше лицо будет в веснушках.

Темпест вернулась к креслу и взяла соломенную шляпку.

Августа засмеялась.

– А по-моему, моя сестрица недостаточно проворна, чтобы кого-то захомутать.

– А может быть, я просто не хочу никого хомутать, – отмахнулась Темпест.

Сама того не сознавая, младшая сестра повторила слова, сказанные их отцом. Дело не в том, что Арабелла уже стала достаточно взрослой, чтобы предстать перед лондонским светом, о нет. Просто отец поддразнивал свою старшую дочь, утверждая, что ее шансы снижаются вдвое, поскольку многие джентльмены предпочитают юных красавиц прямо от маминной юбки. Маркиз не хотел показаться жестоким, но его слова задели Темпест за живое. Арабелла была моложе и красивее.

– Тихо ты, – предостерегла Арабелла, щипая младшую сестричку за ногу.

Августа возмущенно запищала.

– Миссис Шиэн, моя сестра щиплетя!

Рыжеволосая дуэнья засмеялась.

– Прямо сейчас?

– Прекрати дразнить Темпест, – полушепотом велела Арабелла. – Если твоей сестре приглянется какой-нибудь джентльмен, она сможет захомутать его даже с веснушками на лице.

Услышав этот «тонкий» намек, Темпест скорчила рожицу и надела шляпку, но завязывать длинные ленты не стала. Она пошла прочь от ссорящихся сестер и миссис Шиэн. Чем дальше она уходила, тем заметнее стихали их голоса.

Она шагала по высокой траве, следуя вдоль узкой тропинки, которая, извиваясь, привела к кромке воды, а потом резко свернула вверх по холму. Наконец, девушка подошла к большому плоскому валуну. Немного устав и запыхавшись, она опустилась на камень и положила рядом с собой альбом для эскизов и ридикюль. Затем сняла шляпку и стала обмахивать ею лицо. Высокая трава, волнуемая на весеннем ветру, отлично скрывала ее от посторонних глаз. Ее можно было бы заметить только с парусной шлюпки, проплывающей по реке.

Темпест взглянула на туфли. Немного грязные, но можно отчистить. Она подумала об Августе и ее предложении побродить босиком по мелководью.

«Может, стоило согласиться?»

Их матушка, Шарлотта Брант, маркиза Норгрейв, никогда бы не одобрила такого поведения, поведения, совершенно недостойного леди. Темпест пару минут спокойно сидела на валуне, размышляя над тем, насколько она рискует быть пойманной. Шансы практически равнялись нулю. Девушка усмехнулась, сняла туфли. Подняла юбку и нижние юбки до самих подвязок и развязала их. Наконец, оставшись с босыми ногами, Темпест, придерживая юбки,

осторожно подошла к кромке реки. Водичка все еще была прохладной, но ощущения дарила совершенно удивительные.

Темпест закрыла глаза и повернула лицо к солнцу, наслаждаясь контрастом от теплых лучей на лице и прохлады воды. Как замечательно себя чувствуешь, бросая вызов условностям! Отец возлагал такие надежды на старшую дочь, но пока ей удалось вызвать в его душе только разочарование. В минувшем сезоне отец уже решил было, что нашел для нее подходящего джентльмена. Все недостатки внешности лорд Райнхарт с лихвой компенсировал титулом и богатством. Этот брак принес бы маркизу определенные политические дивиденды, и Темпест не возражала против отцовских планов.

Возникла одна-единственная проблема.

Джентльмен влюбился в другую даму и успел с ней обвенчаться до того, как маркиз Норгрейв смог вмешаться.

И естественно, отец во всем обвинил дочь.

Темпест мысленно закатила глаза. У нее оказались слишком темные волосы, а джентльмен предпочел светловолосую. И слишком острый язычок – а какой джентльмен захочет иметь жену, которая умнее его самого? Потом отец попенял на ее рост. Она была ровно на семь с половиной сантиметров выше, чем предполагаемый муж, и отец упрекал ее за выбор туфель. Смешные упреки, но она придержала язык. Нет смысла спорить с отцом, когда у него и так тяжело на сердце. Маркиз предложил ей в следующий раз горбиться, если она встретит джентльмена ниже себя ростом. После минувшего сезона Темпест уже сомневалась, что может еще сильнее разочаровать отца.

Она мгновенно распахнула глаза, заслышав удивленный возглас. Машинально она попятилась от воды. Раздался мужской смех. Это над ней смеются? Нет, какая глупость. Если она никого не видит, то и об ее присутствии никто не догадывается. Она поглубже спряталась в заросли травы, осознав, что стоит на пяточке суши, который выдавался в реку – теперь противоположный берег не просматривался. Темпест, так тихо, как только могла, перешла на другую сторону этого пяточка. Девушка морщилась от попадающихся время от времени острых камешков и веточек, которые царапали и кололи ей ноги. Она руками развела в стороны заросли высокой травы, но то, что мельком увидела, заставило ее упасть на колени и затаиться.

На противоположном берегу реки смеялись трое обнаженных мужчин.

– Вода ледяная, тупица! – пожаловался своим приятелям темноволосый джентльмен, опустившись по шею в воду.

Второй джентльмен, с темно-русыми волосами и голым торсом, сидел у кромки воды и снимал сапоги и чулки.

– Больше никогда не заключаю пари!

Третий стоял между двумя приятелями. На нем были только кожаные бриджи, и он медленно заходил поглубже в реку.

– Брось жаловаться, Торн. Шанс, присоединяйся к нам. Водичка придает сил.

– По-твоему, отморозить все хозяйство – называется «придать сил»?! – закричал в ответ тот, кого звали Торн, после чего его приятели вновь залились смехом.

Темпест ничуть не смутил их непристойный разговор. Она слышала выражения и похлеще, когда мужчины не подозревали, что она подслушивает. Из своего укрытия она смогла разглядеть, что все трое молоды и крепки телом. И румянец на лице девушки не имел никакого отношения к солнцу.

– Черт возьми, Шанс, ты даже смелее меня, – сказал брюнет, подходя ближе к проигравшему пари.

До Темпест не сразу дошел смысл его слов, пока она не заметила, что тот, кто сидел на берегу, снимает бриджи. Он обернулся, снимая одежду, и представил на ее обозрение

свой зад. Она поспешно прикрыла рот ладонью, чтобы заглушить сорвавшийся с губ возглас удивления, и отвела взгляд от джентльменов.

Сердце получило очередной удар, когда Темпест заметила стоящую у нее за спиной Арабеллу.

– Святые небеса, ты меня напугала. Что ты здесь делаешь? – сердито шептала Темпест.

– Решила, что тебе не мешает компания, – ответила Арабелла. Прищурившись, она смотрела на грязные босые ноги зардевшейся сестры. – Чем ты занимаешься? И почему мы говорим шепотом?

– Тебе лучше не знать, – ответила Темпест. «И мне было бы лучше. Как ей объяснить, что я только что наблюдала за тремя полуобнаженными джентльменами?» Хуже того, Арабелла могла все рассказать миссис Шиэн. Или их матери. – Нам пора.

– Нет, – возразила сестра. Арабелла подошла ближе и нагнулась так, чтобы их головы находились на одном уровне. – Нет, пока я не увижу, куда ты смотришь. На редкую птичку? – У нее округлились глаза, когда она вглядывалась сквозь высокую траву. С ее губ сорвался звук, похожий на икоту. Она зажала ладонью рот и пристально взглянула на Темпест.

Однако сама Темпест смотрела не на младшую сестру. Несмотря на естественное укрытие, она с ужасом заметила, что их обнаружили. Все три джентльмена устали в ее сторону, на их лицах была различная степень удивления и негодования, когда они осознали, что они здесь не одни. Мужчина по имени Шанс мгновенно прикрыл руками гениталии.

– Эй, вы там! Выходите! – потребовал брюнет. Он встал, выставя на обозрение свой торс.

– Бог мой, он собирается переплыть на эту сторону! – Темпест вскочила на ноги и подтолкнула вперед сестру. – Поторопись, пока нас не поймали!

Слава богу, Арабелла была послушной девочкой, и обе сестры попятились назад. У валауна Темпест сунула ноги в туфли, подхватила чулки. Сестра торопливо подняла ее альбом для эскизов и карандаши.

– Беги по тропинке, Арабелла, – велела она, оглядываясь назад и подталкивая вперед сестру.

– Думаешь, они бегут за нами?

Бедняжка Арабелла испугалась. Темпест пыталась подобрать слова, чтобы успокоить сестричку.

– Сильно сомневаюсь, что в такой высокой траве они смогли разглядеть что-то, лишь одежду мельком, и с их стороны довольно необдуманно преследовать нас без одежды и босиком. К тому времени, как они оденутся и оседлают лошадей, мы успеем убежать. Если повезет, они решат, что здесь резвилась парочка ребятишек.

– А если они случайно наткнутся на нашу компанию? Что ты станешь говорить миссис Шиэн? – допытывалась сестра, запыхавшись от их поспешного отступления. – О нет... что мы скажем Оливеру?

– Не будь трусихой! – отрезала Темпест. – Если кто-то начнет расспрашивать, придумаем что-нибудь.

– Но...

Темпест стиснула зубы.

– Ты сама хочешь объяснять это досадное недоразумение нашему отцу?

– Нет, – ответила сестра, замедляя шаг, когда только представила, какое их может ждать наказание за подобное скандальное поведение. – Если об этом узнает отец, он может не разрешить нам поехать с ним и с мамой в Лондон.

Трогательное предположение. Темпест покачала головой.

– Он никогда ничего не узнает, если ты будешь держать язык за зубами. Предоставь мне со всеми объясняться. – И подумав, добавила: – Если вообще потребуются объяснения. –

Темпест резко замолчала и прислушалась. Через минуту она спросила: – Ты слышала что-нибудь?

Арабелла прислушалась.

– Нет. А ты?

Она не слышала звуков погони трех полуобнаженных джентльменов, пробирающихся за ними сквозь высокую траву.

– Ничего. Я же говорила тебе: никто не будет гнаться за нами. Ты пока отдышись, а я надену чулки. Миссис Шиэн станет задавать вопросы, если заметит мои босые ноги.

Ее сестра вздохнула.

– И не только она. Ты не хочешь объяснить мне, почему я застала тебя за тем, как ты подглядывала за тремя джентльменами?

Темпест засмеялась. В голосе Арабеллы слышалось упрямство, но Темпест не могла придать голосу чувства вины, потому что у самой девушки бешено колотилось сердце.

– Чем, по-твоему, я занималась? Наш батюшка возлагает на меня в этом сезоне большие надежды, поэтому я решила попытаться найти себе супруга. Не знаю, как ты, но, по-моему, все прошло гладко. – Она сердито взглянула на сестру, продолжая натягивать чулки. – Есть еще глупые вопросы? Нет? Отлично!

Остаток пути до их импровизированного лагеря они проделали в молчании.

Глава 4

– Парочка девиц? – Торн застегивал пуговицы на ширинке бриджей. – Уверен?
Сент-Лион засмеялся и покачал головой.

– Я заметил темноволосую женщину, – уже в третий раз пробормотал Матиас. Он натянул рубашку через голову. – Она с кем-то разговаривала. Я плохо разглядел, но, на мой взгляд, вторым мог быть мужчина.

– Возможно, любовное свидание? – предположил Сент-Лион.

Матиас пристально вглядывался в противоположный берег реки, пытаясь разглядеть, нет ли признаков того, что их невольные соглядатаи вернулись, но приятели были совершенно одни.

– Сомневаюсь. Мы ведь переплыли на тот берег и обыскали местность. Трава жесткая, земля неровная и грязь повсюду. Нет, за нами кто-то наблюдал.

И он намеревался узнать зачем. Из-за стычки с Маркрофтом и реакции родителей на его сообщение о том, что он намерен поселиться отдельно от семьи, вот уже несколько дней он оставался вспыльчивым и раздражительным. Хотя его родители с энтузиазмом рассуждали о том, что он поселится в бабушкином доме, обсуждали свои планы касательно Лондона, но что-то, казалось, не дает ему покоя. Матиас не мог объяснить своим друзьям причины своего беспокойства, но доверял своим инстинктам.

Он чувствовал: родители что-то от него скрывают.

– Ты полагаешь, к этому приложил руку Маркрофт?

Матиас мимоходом оттер засохшую на сапоге грязь.

– Возможно, – он поморщился. – Хотя это маловероятно. Не могу себе представить, что он будет красться в высокой траве, чтобы взглянуть на наши задницы.

Торн засмеялся.

– И что теперь? Поскачем дальше, посмотрим, сможем ли догнать наших маленьких проказников или поедем домой?

– До вечера еще далеко. Не вижу причин, почему бы нам не насладиться погодой, – ответил он, но его приятелей трудно было провести беспечным тоном.

Ему очень хотелось догнать маленьких шпионов.

К огромному облегчению Темпест и Арабеллы, девушки без приключений вернулись в лагерь. Миссис Шиэн оторвалась от шитья ровно настолько, чтобы оценить, что девушки живы и здоровы, а потом вновь опустила взгляд и продолжила шить. Августа заснула на одеяле.

Отовсюду так и веяло покоем. Если бы не мокрый подол юбки и полоски грязи на ней, Темпест почти поверила бы, что все произошедшее – лишь дурной сон.

– Никому ни слова, – прошептала она Арабелле, прежде чем сесть в кресло, которое поставили прямо перед мольбертом. Ее сестра погрузилась в чтение, готовая забыть весь инцидент.

Темпест открыла альбом на чистой странице, достала карандаш, который тут же скатился с коленей на землю. Девушку била дрожь, поэтому она не могла сосредоточиться на пейзаже, и только рассеянно делала наброски, пытаясь не считать минуты.

Через четверть часа сердце девушки забилось ровнее. Трое мужчин позволили им бежать. Не будет никаких неловких встреч. Все происшедшее – просто досадная случайность. Темпест не подозревала о присутствии троицы, пока не услышала их смех. Разумеется, с ее стороны было безнравственно следить за ними. Она была уверена: никто бы ничего не заметил, если бы сестра ее не напугала.

Прошло не меньше часа, прежде чем ее плечи окончательно расслабились. Опасность миновала, и девушка мысленно воздавала хвалу небесам. Взгляд опустился на сделанный карандашом набросок, над которым она работала. Сцена на берегу реки включала три мужских фигуры. Их позы выглядели достаточно целомудренными, но даже по грубым наброскам было понятно, что мужчины без одежды. Губы Темпест расплылись в полуулыбке. Самое разумное с ее стороны – сжечь рисунок по возвращении домой.

Скрип кожи и приветственное ржание лошади знаменовало возвращение ее брата. Темпест встала, чтобы приветствовать Оливера, но слова застряли в горле. К ним приближалось трое всадников. С первого же взгляда было понятно, что все трое красавцы, но каждый по-своему, как подумалось Темпест, когда они направили коней от реки прямо к девушке. И сами кони, и дорогие седла лишь подчеркивали ту самоуверенность, которая была заметна даже издали. К ним приближались благородные господа, и это принесло облегчение, поскольку сейчас они с сестрами оказались без своего защитника, Оливера. Тем не менее она ощутила, как внутри растет ужас. Ранее, случайно наткнувшись на троицу полуголых джентльменов на берегу реки, она даже как следует не рассмотрела их лиц. Мокрые кожаные штаны на двоих всадниках из троицы служили отличным доказательством того, что сейчас она встретится лицом к лицу именно с теми тремя джентльменами, встречи с которыми так надеялась избежать.

– Добрый день, дамы. – Блондин, в котором она узнала того, кто как раз снял бриджи, приподнял шляпу в знак приветствия. В его чистых серых глазах не было ни злости, ни подозрения, он разглядывал незнакомку так же пристально, как и она его. Белокурые волосы под шляпой были чуть светлее на висках и на затылке. Правильные черты и решительный подбородок подчеркивали его силу и уверенность. Если бы не подбородок, его лицо могло бы показаться слишком мягким, почти женственным. Взгляд Темпест не задержался на синяке на его лице. Она была слишком хорошо знакома с непредсказуемыми мужчинами и их желанием решать большинство проблем кулаками. К тому же синяки свидетельствовали о том, что мужчина напротив не боится испортить свое красивое лицо, отстаивая свои убеждения. Глупо было бы недооценивать этого джентльмена.

Темпест решительно захлопнула альбом.

– Добрый день, господа, – радушно приветствовала миссис Шиэн. – Прекрасный день для прогулок верхом, не так ли?

– Да, мадам, – ответил брюнет. Он был немного стройнее своего приятеля, но невозмутимое, почти скучающее выражение лица намекало на то, что его мало чем можно удивить. Взглядом своих темно-зеленых глаз он внимательно осматривал выбранное ими место. – Похоже, вы, дамы, выбрали прекрасное место для отдыха.

– В самом деле. – Шелест ткани, и их дуэнья отложила свое шитье. Миссис Шиэн встала с кресла и подошла к трем джентльменам. Она встала перед Темпест. – Вы издалека?

– Скакали несколько часов, – туманно ответил блондин. Темпест предположила, что именно он лидер среди этой троицы, поскольку оставшиеся двое не вмешивались в разговор. Его взгляд постоянно возвращался к Темпест, и это сбивало с толку. – Вы, дамы, одни?

И, не давая миссис Шиэн возможности ответить, Темпест встала.

– Нас сопровождает мой брат.

Три пары мужских бровей взлетели вверх – они посчитали, что сказанное – явная ложь.

– Конечно, в настоящий момент он отсутствует, – поспешно поправилась она. – Он взял одну из лошадей, поехал осматривать окрестности. Возможно, немного поохотится. Мы ожидаем его возвращения с минуты на минуту.

Таким образом она давала им понять, что они не настолько уязвимы, как кажется. Как средство защиты у миссис Шиэн был маленький пистолет, который она прятала в корзинке

с шитьем. Однако он ей мало в чем мог помочь, поскольку корзинку она оставила рядом с креслом.

Блондин продолжал разглядывать Темпест, как будто мог узнать правду по выражению ее лица. Она намеренно оставалась безучастной. Даже если он и подозревал, что именно она шпионила за ними, когда они купались в реке, доказательств у него не было.

Миссис Шиэн подошла ближе. Дерзко положила руку на гриву лошади блондина. Погладила животное.

– Господа, вы не желаете представиться?

Бог всемилостивый, Темпест узнала эти характерные нотки. Неужели их дуэнья действительно флиртует с этими незнакомцами? Темпест оглянулась на Арабеллу, та в ответ лишь пожала плечами.

Блондин посмотрел на приятелей, и вся троица понимающе усмехнулась. Откашлявшись, он произнес:

– Можете называть меня Шанс, мадам.

Темпест даже не было нужды смотреть на лицо миссис Шиэн, чтобы понять: дуэнья улыбается, как влюбленная дуручка.

– Шанс... – вздохнула вдова. – Какое восхитительное имя. А кто ваши спутники?

– Меня зовут Сент-Лион, мадам, – представился брюнет справа от Шанса, приподнятая шляпу. И взгляд его темно-синих глаз, и его обаятельная улыбка казались искренними.

– Я – Торн, – ответил темноволосый джентльмен с темно-зелеными глазами. Он выглядел менее дружелюбным, чем остальные двое.

– Не сочтете за дерзость, если я спрошу, как вас зовут, милая леди? – жадно поинтересовался Шанс.

– Миссис Шиэн. – И, пресекая любое недопонимание, она добавила: – С недавнего времени вдова.

– Уже как лет восемь, – под нос себе пробормотала Темпест, чем заслужила укоризненный взгляд наставницы.

Торн откашлялся в кулак. Неужели он над ней смеется?

Когда миссис Шиэн вновь перевела взгляд на Шанса, к ней тут же вернулось хорошее настроение.

– А кажется, что совсем недавно. Хороших людей всегда не хватает.

Темпест все не могла взять в толк, почему ее так раздражают заигрывания их наставницы с этими тремя джентльменами. Ее абсолютно не касалось то, с кем флиртует эта женщина, но все-таки пошлое жеманство миссис Шиэн несколько смущало.

По необъяснимой причине Шанс вновь перевел взгляд на нее.

– А вы, дамы, уже осматривали окрестности?

– Нет! – выпалила Арабелла.

– Немного, – поправила Темпест, оглядываясь на сестру. Арабелла совершенно не умела обманывать. – Однако далеко не ходили, поскольку это одно из моих самых любимых местечек на реке.

Они с миссис Шиэн осторожно попятились, когда Шанс спешил. Остальные двое спутников последовали его примеру. Сент-Лион взял лошадь Шанса под уздцы.

– Вы позволите?

Темпест была настолько взволнована его присутствием, что кивнула. Он был крупнее, чем сначала ей показалось. Его внушительная фигура маячила у мольберта, когда он повернулся посмотреть на выставленный там пейзаж, над которым она как раз работала до судьбоносной встречи с этими джентльменами.

Он посмотрел на девушку.

– Это вы написали?

Язык подводил ее, поэтому она в знак согласия кивнула.

Шанс перевел взгляд на незаконченную картину.

– У вас отличное чувство пространство и цвета. Моя младшая сестра неплохо делает простые наброски, но акварель ей никогда не давалась.

Польщенная его комплиментом, она произнесла:

– Благодарю, мистер Шанс.

Торн с Сент-Лионом засмеялись. Она взглянула на них, недоумевая: неужели она неправильно расслышала его имя?

– Просто Шанс, миледи, – поправил он, награждая ее быстрой улыбкой, от которой у нее бешено заколотилось сердце.

– Вы кто? – спросила Августа заспанным голосом. Она села и с любопытством рассматривала троих джентльменов. – Вы друзья нашего брата?

– А кто твой брат, малышка? – поинтересовался Торн, его лицо заметно смягчилось, когда он разговаривал с ее младшей сестрой.

– Ох, где же мои манеры! – воскликнула миссис Шиэн. – Джентльмены, позвольте представить мне своих юных подопечных: леди Темпест, леди Арабеллу и леди Августу.

Они были далеко-далеко от бального зала, но подобное представление вынуждало Темпест с Арабеллой сделать реверанс. Августа зевнула.

Леность Августы не ускользнула от зоркого взгляда дуэньи.

– Представьтесь, девушка. Не заставляйте ваших сестер краснеть. – И в доказательство серьезности своих слов миссис Шиэн подошла к младшей из Брант и помогла ей встать. – Наши гости Шанс, Торн и Сент-Лион. А что вы должны сказать?

– Добрый день, джентльмены, – угрюмо произнесла Августа. Она сделала реверанс, джентльмены в ответ уважительно поклонились.

– Не хотите ли выпить стаканчик сидра? – предложила младшая из сестер.

Темпест решила, что Августа предлагает выпить сидр, потому что сама хочет пить после продолжительного сна.

– Отличная мысль! – Дуэнья с энтузиазмом хлопнула в ладоши. – В экипаже есть кувшин и чистые стаканы. Желаете сидра, господа?

– Вы радушные хозяйки, дамы. Должен признаться, что во рту у меня немного пересохло. Я бы не против пропустить стаканчик. – Торн бросил свои поводья Сент-Лиону, который совершенно серьезно взял на себя роль конюшего. Потом Торн подошел к Августе и протянул руку. – Миледи, окажите любезность проводить меня к экипажу.

Сестра радостно захихикала от внимания, оказанного со стороны джентльмена. Хотел он того или нет, но у него появился новый друг. Августа положила свою ладошку на руку мужчины, и они последовали за миссис Шиэн к экипажу.

– Я бы тоже не отказался от стаканчика, – заявил Сент-Лион, ни к кому конкретно не обращаясь. Когда же он заметил, что Шанс не сводит глаз с Темпест, понял, что говорит сам с собою. – Леди Арабелла, возможно, вы мне поможете. Не могли бы вы показать мне место, где можно привязать лошадей?

Арабелла бросила на сестру настороженный взгляд. Ей не хотелось оставлять сестру одну, но она не могла придумать веского предлога остаться.

– Да, конечно. Если понадобится, сестрица, ты только позови.

Ощущая неловкость от пристального интереса Шанса, Темпест смотрела вслед удаляющимся Арабелле и Сент-Лиону. За собой они вели трех лошадей.

– Ваша сестра, похоже, не хотела оставлять нас наедине. Интересно, почему? – прошептал он ей на ухо.

Темпест вздрогнула от его неожиданной близости. Она открыла было рот, чтобы попенять ему за дерзость, но то, что она увидела у него в руке, заставило ее проглотить обиду.

В руках у Шанса была ее соломенная шляпка.

Он должен был бы злиться на нее: леди Темпест и, вероятно, ее сестра следили за ним с приятелями, но его развеселило мрачное выражение ее лица, когда она заметила у него в руках свою шляпку. Когда он прятал ее под полый жилета, то понятия не имел, что когда-либо найдет ее владелицу.

Матиас никак не ожидал, что «шпионка» окажется такой красавицей. Волосы цвета насыщенного кофе, идеально гладкая, как шелк, кожа, огромные карие глаза и полные розовые губы. Обычно его привлекала более яркая внешность, но сейчас Матиас не мог отрицать, что он заинтригован.

Леди Темпест смотрела на шляпку, как на гадюку.

– Где вы ее обнаружили?

Щеки и нос залил неестественно розовый румянец. Возможно, виной тому было слишком жаркое солнце, ведь девушка лишилась своей соломенной шляпки, хотя, скорее, щеки окрасило осознание того, что ее поймали на горячем.

Но не одна леди Темпест чувствовала неловкость. Матиас смутился, осознавая, что беззастенчиво раздевался прямо перед ней и она прекрасно разглядела его тело.

Он покраснел от одной этой мысли.

– Я обнаружил этот очаровательный предмет туалета возле большого валуна рядом с тем местом, где мы с друзьями решили поплавать. – Он протянул мятую шляпку, и Темпест вырвала ее у джентльмена из рук, как будто от его прикосновений шляпка стала заразной. – Поскольку эта милая шляпка принадлежит вам, мне остается сделать один-единственный вывод: это именно вы прятались в зарослях травы на противоположном берегу реки. Возможно, вместе с сестрой?

Леди Темпест нервно схватила за длинную косу и потянула ее вперед. Темная блестящая лента в косе словно манила ее погладить. Однако, когда он протянул руку, чтобы почувствовать, насколько тяжела ее коса, девушка ударила его по пальцам. Он раздраженно поджал губы.

– В траве невозможно полностью скрыть ваши темные волосы. Поэтому не стоит трудиться и все отрицать. И что же вам удалось разглядеть?

Матиас предпочитал невысоких женщин с округлыми формами. Долговязые, неуклюжие барышни часто казались ему странными созданиями, которым неуютно в собственном теле, но леди Темпест нельзя было назвать нескладной или слишком высокой. Она была всего сантиметров на десять ниже него, а у него был замечательный рост – сто восемьдесят сантиметров. Девушка держалась вполне уверенно, пока он не продемонстрировал ее собственную потерянную шляпку. Какое облегчение, что ему не приходилось напрягать шею, чтобы разглядеть реакцию на его вопрос. Она отводила глаза, пряча душевную муку, и это наводило его на мысль: что бы она сейчас ни придумала – это, скорее всего, будет откровенная ложь.

– Мне вы можете сказать правду, – заверил он ее, понизив голос, пытаясь успокоить. – Если вы беспокоитесь из-за миссис Шиэн...

– Ничего я не беспокоюсь!

Ее негодование рассмешило Матиаса. Нельзя было не восхищаться силой ее духа.

– Я могу быть добрым, если вы будете честны со мной. Ваша дуэнья даже не узнает, что вы были очень непослушной девочкой, – поддразнил Матиас.

В карих глазах зажглась бессильная ярость.

– На что вы намекаете? Что я намеренно следила за вами и вашими друзьями? Да что вы о себе возомнили?!

Матиас нахмурился, но его лицо разгладилось, когда он вспомнил, что стало причиной ее гнева.

– Увидели что-то интересное, да? Держу пари, до сего дня вы никогда не видели обнаженного мужчину, не говоря уже о трех сразу.

– Вы мерзкий, заносчивый выскочка! Я вас спрашиваю: какой джентльмен станет стягивать с себя бриджи на людях, не заботясь о том, что кто-то может проходить мимо? – спросила она, потрясая перед ним смятой шляпкой.

– Я не более заносчив, чем леди, которая прячется в траве и подглядывает за тремя обнаженными мужчинами. Вы тут же отвернулись, не в силах сдержать отвращения? Или позвали сестру, чтобы вместе наблюдать за этим зрелищем?

Темпест округлила глаза.

– Все было совсем не так! – сказала она, ее глаза блестели от ярости и стыда. – Я думала, что я одна, когда сидела на валуне. Скинула туфли, чтобы побродить по берегу речки. А потом услышала смех.

Матиас не хотел обижать ее, но у леди Темпест был вид человека, который из всех сил сдерживает слезы.

– Вам стало любопытно, – произнес он, пытаясь как-то смягчить свою оплошность.

Она медленно выдохнула.

– Сперва мной двигало простое любопытство: кто это смеется. Я не имела ни малейшего желания вмешиваться, а поскольку я была одна, мне показалось более благоразумным не выдавать своего присутствия. Я стала пробираться сквозь высокую траву, и только тут заметила, что вы с приятелями были... – Она взмахнула рукой, поскольку не хотела упоминать об их наготы.

– Но вы остались?

– Нет! – Боясь, что их разговор могут подслушать, она оглянулась на стоящий вдалеке экипаж. Убедившись, что никто на них не обращает внимания, она продолжала: – Я уже повернулась, чтобы уйти, но меня испугала сестра. Я не ожидала, что она пойдет за мной следом. Арабелла захотела узнать, что вызвало мой интерес... Решила, что я обнаружила редкую птичку.

Матиас откинул голову назад и засмеялся. Две невинные девицы действительно столкнулись с удивительной редкостью.

– И, разумеется, вы пытались ее остановить.

– Естественно. Однако Арабелла настаивала... остальное можете додумать. Я растерялась и велела сестре бежать, когда вы нас окликнули. Всю обратную дорогу до лагеря я молилась, чтобы вы не бросились за нами в погоню.

Вот в этом он ничуть не сомневался.

– Прошу прощения, что испортил ваше блистательное бегство.

– Мы с Арабеллой почти все время бежали. И когда вы не сразу нас обнаружили, я решила, что нам удалось спастись.

Итак, он ошибался, думая, что их соглядатаи преследовали какие-то гнусные цели.

– Так и случилось бы, если бы я не нашел вашу соломенную шляпку.

На ее лице отразилось недоверие.

– Вы искали нас из-за шляпки?

Матиас не стал бы утверждать, что мотивы, которые двигали им и его друзьями, были столь бескорыстными. Ведь, например, крепкая деревенская девица вполне могла бы утешить его уязвленную гордость.

– Отчасти. Признаюсь, что мне было интересно найти владелицу.

Леди Темпест вздохнула.

– Наверное, я должна извиниться перед вами и вашими приятелями...

– Достаточно уже того, что вас мучают угрызения совести. Я сам все объясню Торну и Сент-Лиону.

Его благородство, кажется, вернуло ей хорошее настроение.

– Премного вам благодарна, сэр. Если об этом узнает миссис Шиэн, она решит, что ее обязанностью будет все рассказать брату, а ему это смешным не покажется. Я-то знаю своего брата. Он найдет повод, чтобы обвинить в моем промахе вас и ваших друзей.

– Этот джентльмен, похоже, очаровательный малый, – сухо отреагировал Матиас. – Наверное, я знаю его.

Леди Темпест элегантно пожала плечами.

– Он никогда не упоминал такого имени «Шанс», но Оливер вообще не считает обязательным делиться подробностями своей личной жизни с младшими сестрами.

– Оливер?

– Оливер Брант, граф Маркрофт. – Темпест в этот момент отвернулась и не заметила смятения в глазах собеседника. Когда она вновь взглянула на Матиаса, его лицо уже ничего не выражало. – Вы знакомы с моим братом?

Он не мог поверить в собственное невезение. Леди Темпест оказалась одной из сестер Брант. И он не мог себе представить, что ей доставит удовольствие узнать, что он один из семейства Руков.

– Не думаю.

Она склонила голову набок, пристально разглядывая его лицо.

– Не хочу показаться грубой, но не смогла не заметить синяков на вашем лице.

Матиас фыркнул.

– Неужели? Как мило с вашей стороны напомнить мне о них.

«Особенно если вспомнить, что их оставил кулак твоего братца».

Леди Темпест поджала губы.

– У моего брата тоже все лицо в синяках.

Он уже заметил, что у этой дамочки острый ум. К тому же и то, что она связывала его со своим подлым братцем – ничуть не радовало.

– Синяки настолько же распространенное явление, как и родинки, миледи.

Она не обратила внимания на его пренебрежительный тон.

– Вы уверены, что незнакомы с моим братом? Он не хочет об этом говорить, но совершенно очевидно, что он с кем-то подрался. Вы так же получили свой роскошный синяк на щеке. Подрались?

По спине Матиаса пробежал холодок. Леди Темпест упоминала, что ее брат скоро вернется. Сам Матиас не имел ни малейшего желания ждать появления Маркрофта или любого другого члена семьи Брант.

– С вашим братом я незнаком, миледи. И знакомства не ишу. А теперь прошу прощения, но нам с друзьями еще домой возвращаться. – Матиас поклонился и зашагал прочь от ошеломленной девушки.

Он бы меньше удивился, если бы это леди ударила его по лицу. Маркрофт – ее брат. Маркиз – Норгрейв ее отец. Матиас был настолько зол, что ему хотелось вернуться и потрясти ее за то, что она состоит в родстве с врагом его отца. Его врагом. Леди Темпест – его враг.

Господи, лучше бы он никогда ее не встречал!

Глава 5

Матиас дождался, когда они отъедут на несколько километров, прежде чем сообщить своим приятелям, что леди Темпест одна из печально известного семейства Брант.

– Да брось, Шанс. Это розыгрыш. Эта красотка не может быть одной из Норгрейвов. Я отказываюсь в это верить, – заявил Торн, решив, что Матиас насмехается над ними.

– Поверь, братишка. Леди Темпест упомянула, что у ее брата, графа Маркрофта, такие же синяки, как у меня. – Стиснув зубы, он припомнил их разговор. – Она не стала меня спрашивать прямо, но явно она задавалась вопросом, не я ли в ответе за синяки ее бедного брата.

– Так и есть, – поддакнул Сент-Лион слишком радостно для такого случая.

– Довольно неожиданно, – заметил Торн, до сих пор не уверенный в том, что Матиас говорит правду. – Каковы шансы встретить здесь кого-то из этой милой семейки?

– Намного больше, чем можно представить, учитывая, что мы двадцать минут провели с тремя девицами Брант, – пробормотал Матиас.

– И тем не менее у отпрысков Норгрейва хорошие манеры и ни намека на клыки или хвост, – заметил Сент-Лион, не в силах удержаться от того, чтобы не уколоть Матиаса пресловутой взаимной враждой между семьями Рук и Брант. – Исключая, разумеется, Маркрофта.

– Разумеется, – эхом откликнулся Матиас с намеком на издевку.

Он расстроился, узнав, что леди Темпест с сестрами – из рода Брант. За всю жизнь он слышал, что маркиз Норгрейв наплодил много детей, как в законном браке, так и на стороне. Он искоса взглянул на Сент-Лиона. Ходили слухи, что мать его друга когда-то была одной из бесчисленных любовниц маркиза. В свете даже поговаривали, что Норгрейв был отцом наследника ее мужа. Сам граф и графиня усердно опровергали подобные слухи, когда они время от времени возникали. Однако нельзя было отрицать, что Сент-Лиона легко можно было бы принять за одного из далеких родственников Маркрофта. Если эти слухи и имели какое-то основание, Сент-Лион предпочитал не обращать на это внимание.

Торн направил лошадь ближе к лошади приятеля, чтобы ему не приходилось кричать.

– Думаешь, дамы расскажут о нас Маркрофту?

– Вероятно. Хотя леди Темпест, похоже, боится, что ее брат узнает, что ее поймали на том, что она подглядывала за полуобнаженными мужчинами, – сказал Матиас, вспоминая, как девушка пыталась во время разговора скрыть свой страх. – Бранты могли всю окрестность наводнить своими отпрысками, но женщины этого рода, похоже, не унаследовали их низменные наклонности.

– Какая жалость! – С губ Сент-Лиона слетел преувеличенный вздох. – Если бы я знал, кто за нами наблюдает, я, возможно, тоже бы снял штаны. Ты явно произвел неизгладимое впечатление на леди Темпест.

Неужели? Виконт шутил.

– Ничего подобного. Девушка даже не взглянула на меня, как только поняла, кто мы.

Матиас видел, что инцидент у реки смутил леди Темпест. Подобное поведение не пристало леди. Узнав ее фамилию, Матиас предположил, что она искусная лгунья, но ее неловкость и угрызения совести казались искренними. Пока она не сообщила имя брата, Матиас собирался проявить великодушие и простить девушку.

Фамилию своей семьи...

Господи, как все запуталось!

– Эта дама точно знала, кто мы, когда нас увидела, – засмеялся Сент-Лион. – Чему удивляться? Она разглядела нас с головы до ног. Единственное, чего она не знала – что ты один из тех ужасных, наследник семейства Рук.

Матиас поджал губы, пытаясь не рассмеяться.

– Мы, род Рук, ничуть не ужасны.

– Держу пари, что Бранты утверждают то же самое.

– Они ошибаются. Честность и Брант – несовместимые вещи, – заявил он, мысленно отгоняя от себя образ простодушной леди Темпест.

– Вынужден не согласиться, – признался Торн. – Леди Арабелла и леди Августа довольно милые и приветливые девушки. Из солидарности с вами никто из нашей семьи не общался с лордом и леди Норгрейв, но с их дочерьми я не ссорился.

Матиас едва не захлебнулся собственной слюной.

– Если ты ценишь нашу дружбу, молю: не признавайся моему отцу в возникшей приязннности к девицам Брант. Я бы не хотел драться с собственным двоюродным братом.

Виконт заерзал в седле.

– Твой отец не настолько жесток.

– Нет, именно настолько, – одновременно произнесли Матиас с Торном. И маркиз добавил: – Отец никогда не скрывал своей ненависти к маркизу. За это время его негодование распространилось на всю семью недруга.

– Ты когда-либо интересовался причинами их вражды? – спросил Сент-Лион.

– И не раз. Отец отказывается об этом говорить, но, как я предполагаю, речь идет либо о каких-то долгах, либо о неуважении.

– Однажды я пытался расспросить матушку, – признался Сент-Лион. – Никто не хочет говорить об этом, даже слухов не ходит. И тем не менее поговаривают, что твой отец и Норгрейв – оба ухаживали за твоей матерью.

Отец после свадьбы заказал мамин портрет. Новоиспеченной герцогине Блекберн было девятнадцать, и она вскоре родила своего первенца, хотя художник деликатно скрыл все признаки беременности. Матиас не сомневался, что красота и великодушие герцогини пленили сердце не одного джентльмена. Вполне вероятно, что маркиз Норгрейв тоже не устоял перед красавицей.

– Об этом я догадался еще в детстве. Наверное, обидно и горько было, когда мама предпочла маркизу моего отца.

– Тогда и зародилась эта вражда. Представить себе не могу, что бы мог драться с кем-то из вас из-за женщины, – признался Торн.

– И я тоже, – поддакнул Сент-Лион. – Все девицы одинаковые.

– Мой отец с тобой бы поспорил, – Матиас почесал опухшую щеку. – По-моему, лучше если мы не будем упоминать о том, что познакомились с дочерьми Норгрейва.

– Согласен, хотя услуга за услугу, – поддразнил Торн.

Сент-Лион усмехнулся:

– И в свой список я добавлю, что за тобой должок. – Улыбка померкла, как будто он вспомнил что-то неприятное. – А как ты поступишь, если Маркрофт узнает, что ты разговаривал с его сестрами, и решит с тобой по квитаться?

Матиаса совершенно не волновало, что сделает граф.

– Приму его вызов. Твой потрясающий вкус в выборе любовниц не дает мне покоя.

Виконт нахмурился.

– Твои слова меня возмущают и обижают. Разве я виноват, что они часто забывают меня предупредить, что у них есть муж?..

– Я не боюсь Маркрофта, – продолжал Матиас, не обращая внимания на раздражение приятеля. – Ничего не напишешь, но когда-нибудь я всажу в него пулю.

– Эта мысль греет душу, – с кривой улыбкой произнес его кузен. – А как же леди Темпест?

– А что с леди Темпест? – Вопрос несколько сбил его с толку. Насколько он понимал, в этой странной ситуации ничего изменить нельзя.

– Ты хочешь сказать, что не понимаешь, что между вами пробежала искра?

– Какая искра, братишка?! – поспешно возразил он. – В отличие от тебя и нашего доброго друга, я не волочусь за каждой девицей, которая строит мне глазки.

– Какая наглая ложь! Но оставим этот спор, приятель. Помоги мне, Сент-Лион, – взмолился Торн. – Скажи, ты тоже это заметил.

– А как ты думаешь, почему я взялся привязывать лошадей? Эта милая леди не видела никого, кроме нашего Шанса. – Виконт покачал головой. – Как это ни прискорбно, но она, должно быть, заметила в тебе то, что ей понравилось.

– Вы оба ошибаетесь, – ответил Матиас, упрямо отказываясь признавать, что почувствовал что-то большее, нежели раздражение и любопытство. – Леди просто благодарна. Если бы мы рассказали о ее выходке миссис Шиэн, то вдова обязательно доложила бы ее брату. Бедняжке наверняка бы не поздоровилось...

– Черт побери, ты действительно веришь, что Маркрофт способен поднять руку на собственную сестру?

– Я не увидел в этом человеке ничего, что убедило бы меня в обратном, – Матиас не мог припомнить ни одной встречи с этим грубияном, которая обходилась бы без кулачного боя. – Если я хочу как можно больше насолить такому брату, следует приударить за девицей.

Торн и Сент-Лион не нашлись, что ответить.

– Хватит разговоров о леди Темпест. Если судьба сообразовалась, мы больше никогда не встретимся. Через день мы уезжаем в Лондон. И я намерен все свое время посвятить более приятным ухаживаниям.

Торн откашлялся.

– Леди Арабелла поведала мне, что ее семья в этом сезоне тоже отправляется в Лондон. Матиас едва сдержал ругательство.

– Лорд и леди Норгрейв каждый год приезжают в Лондон. Семьям Брант и Рук до сих пор удавалось избегать публичных стычек. И этот сезон не станет исключением.

– Проще было, когда речь шла только о Норгрейвах и Блекбернах. Теперь же ты с братом Бенджамином все больше времени проводишь в Лондоне. Сколько уже твоей сестре Онор?

– Семнадцать, – ответил он, чувствуя, куда ведет его кузен. – Тебе и самому прекрасно известно.

– Скоро ее представят обществу. И не забывай, в семье Брант есть Маркрофт, леди Темпест и леди Арабелла, – заметил Торн. – Чем больше членов семьи Рук и Брант отправятся в Лондон, тем более вероятно, что случится не одна стычка.

– Помоги нам господа, когда все оставшиеся члены семьи Рук станут достаточно взрослыми, чтобы войти в приличное общество! – поддразнил Сент-Лион, надеясь снять напряжение между двоюродными братьями.

Матиас знал, что Торн прав. Он просто не хотел этого признавать.

– Будем надеяться, что у младших представителей семьи Брант хватит ума держаться от нас подальше.

Виконта, казалось, напугал резкий тон брата. Вражда между семьями Рук и Брант его не касалась, и на нее легко можно было не обращать внимания, поскольку он сам не питал никаких симпатий к наследнику Норгрейвов. Однако он не желал проявлять жестокость по отношению к невинным юным дамам.

– На Маркрофта уже можно махнуть рукой.

– Пусть граф катится к черту. Если он любит своих сестер, будет держать их подальше от меня и моей семьи, – мрачно сказал Матиас. Его сердце покрывалось коркой льда, пока образ леди Темпест бледнел в его памяти.

Он хранил верность герцогу и герцогине Блекберн. Никто не сможет его заставить предать свою семью.

Перед ужином Темпест покинула гостиную и отправилась прогуляться в саду. Весь день она провела в компании Арабеллы и Августы, и у нее не было настроения выслушивать сетования своей матери на то, что ждет Темпест, когда они отправятся в Лондон. Царившие в саду красота и тишина дарили покой. Мысленно она продолжала возвращаться к увиденному на берегу и к любопытной беседе с Шансом. Джентльмен оказался вполне дружелюбным, хотя и решил, что она сознательно подглядывала за ним и его друзьями. Даже флиртовал с ней, пока она не упомянула имени брата.

Шанс отрицал, что знаком с Оливером, но девушка подозревала, что он был с ней не совсем честен.

Или, скорее всего, всему виной синяк. Она предположила, что он подрался. Неужели она обидела его, указав на эти синяки?

– Боже мой, поверить не могу, что я осмелилась сказать о них!

– О ком это, ребенок? – поинтересовался Оливер, подходя к Темпест. Он переоделся в модный вечерний костюм. Однако даже его искусный портной не мог скрыть распутную натуру ее брата – штаны были слишком облегающими.

Интересно, он переоделся к ужину или планирует вечером уехать? Отец уехал из дома час назад.

– Я думала, что я слишком стара, чтобы ты называл меня ребенком, – сказала Темпест, протягивая руку. Она обрадовалась, когда он ухватился за нее.

Он притянул ее к себе и поцеловал в щеку.

– Не согласен. Ты явно еще не переросла все свои досадные привычки.

– Досадные, говоришь? – фыркнула она, делая вид, что сердится. – С этим замечанием я не согласна. Если ты продолжишь звать меня ребенком, не рекомендую делать это в присутствии Августы.

– Почему это? – Он держал сестру за руку, когда они прогуливались по усыпанной гравием тропинке.

– Все проявления нежности должны быть направлены только на нее. Ты заденешь ее чувства, если она решит, что не достойна особого прозвища, – пояснила Темпест. – Ото всех этих разговоров о Лондоне Августа чувствует себя брошенной.

– Никто ее дома не оставит, – несколько раздраженно возразил Оливер.

Как признанный наследник маркиза Норгрейва, он всегда всюду ездил с родителями. Даже в детстве он часто сопровождал отца в поездках, в то время как его сестры оставались дома.

– Когда мы приедем в Лондон, Августу мало куда будут брать, – возразила она, жестом указывая на мраморную скамью. Он кивнул в знак согласия, они сошли с тропинки и присели на скамью. – Маме постоянно некогда из-за всех приготовлений, а папу мы вообще почти не видим.

– У него свои дела, – ответил Оливер и сам удивился своему объяснению. – Мы с отцом отправимся в Лондон на несколько дней раньше вас.

– Мне об этом прекрасно известно. Если у тебя будет минутка, зайди к Августе перед отъездом. Ничего не стоящий жест, но ей понравится ощущать себя нужной.

По этой же причине она весь день провела с младшей сестрой. И дело не в том, что ее сестра до встречи с Шансом и его приятелями не обращала внимания на отношение к

себе старших. Августа так и засветилась от счастья, когда Торн обратил на нее внимание. Ее реакция напомнила Темпест о том, что старший брат постепенно исчезает из их жизни. А в Лондоне они будут встречаться еще меньше – Оливер настоял на том, что будет жить отдельно. А потом у него появится жена, и дом наполнится детьми.

Темпест негромко засмеялась от того, куда завели ее мысли. Откровенно говоря, она не думала, что ее брат женится так скоро. Он был слишком молод и слишком походил на отца. Да, глава семьи Брант с этим спорить бы не стал.

Маркиз всегда много распространялся насчет женитьбы, особенно когда речь заходила о его наследнике. Отец нисколько не примирился с тем неприятным фактом, что он женился на леди Шарлотте Винтер по принуждению. На этом браке настояла ее семья, когда узнала об интрижке своей дочери с маркизом и о том, что Шарлотта ждет ребенка. Иногда, когда их отец напивался, он с горечью повторял, что леди Шарлотта «захомутала его», и называл Оливера «плодом страсти».

А ее отец называл «плодом долга». Темпест допускала, что отец решил, что еще один мальчик должен защитить титул. После Арабеллы мать произвела на свет мальчика, но ребенок родился мертвым. За несколько следующих лет мама еще три раза беременела, но ни одна беременность не заканчивалась рождением ребенка. А потом родилась Августа. Если у отца и были прозвища для ее сестер, то он никогда не произносил их вслух.

– Не расскажешь, что тебя насмешило?

Темпест носком туфли поддела камешек.

– Так, праздные мысли. Я думала об отце.

– Он опять пеняет тебе за прошлый сезон? – мягко спросил Оливер. – Или делится ожиданиями на новый?

Его попытки деликатно обсудить эту тему свидетельствовали о том, что он прекрасно осведомлен обо всех подробностях. Она отвернулась, чтобы скрыть гримасу.

– Последнее время нет, но я уже почти вижу, как он вызывает меня в библиотеку на разговор перед своим отъездом в Лондон. А пока он возложил эту обязанность на маму.

Оливер был довольно широкоплеч, поэтому Темпест на скамье пришлось сидеть на самом краю. Неудивительно, что, когда он любя толкнул ее локтем в бок, она едва не упала. Он со смехом подхватил сестру.

– Прими мои соболезнования, Пест.

Темпест улыбнулась, услышав свое старое прозвище.

– Ты уже сто лет не называл меня Пест.

– Помню-помню: последний раз, когда я так тебя назвал, ты укусила меня за руку чуть ниже локтя. Несколько месяцев не сходили следы от твоих острых зубов, – ответил он, рассеянно потирая место укуса.

– Сомневаюсь, что несколько месяцев, братец. Кроме того, ты тогда повел себя отвратительно. – Она ухватила за край скамьи, немного откинулась назад, пытаясь припомнить подробности. – Ой, а из-за чего же мы тогда повздорили? В те дни это казалось очень важным.

– Для двенадцатилетней девочки все кажется важным.

Оливер был старше сестры на полтора года, и такая небольшая разница в возрасте означало одно: он был и ее лучшим другом, и ее злейшим врагом. В детстве сверстники часто ссорятся из-за пустяков. Им удавалось так сильно оцарапать друг друга и набить столько синяков, что маме приходилось разводить их по комнатам, где они ждали отца, который и решал, как наказать каждого из них. И, как ни странно, именно общая судьба вновь сводила их вместе. Испуганные дети забывали о мелких обидах и объединялись против отца с матерью. Даже наказание сносить было легче, когда она знала, что страдает не в одиночку.

Темпест очень не хватало того мальчишки, который был ее лучшим другом и доверенным лицом. Но, когда Оливера отослали в школу, все изменилось.

Сестра искоса взглянула на брата.

– Ты почему дома? – спросила она, стараясь скрыть свои мысли. Оливеру было что-то нужно или он остался дома по приказанию матушки. – Ты мог бы весь день провести с нами, но решил развлечься с какой-то девицей из таверны.

– С чего ты взяла, что я развлекался с девицей из таверны? – любопытствовал Оливер, совершенно не обидевшись на такое обвинение.

– Увидела укус у тебя на шее.

Он против воли коснулся шеи. Оливер уже переоделся к ужину, и шейный платок полностью скрывал упомянутую отметину.

– Нет никакого укуса.

– Позволь не согласиться с тобой, дорогой граф Маркрофт, – улыбнулась она, упомянув его титул. – Когда ты запрягал лошадей в экипаж, ты ослабил шейный платок. Тогда-то я разглядела огромный укус.

– Может быть, то была царапина? – предположил он. Эта тема была ему явно неприятна.

– У твоей девки из таверны рот, как у рыбы. – Глаза Темпест озорно блестели. – Огромной рыбы.

Оливер потянулся к сестре, но та вскрикнула от притворного страха и вскочила со скамьи. Брат не успел ее поймать. Темпест подобрала юбки и бросилась по усыпанной гравием дорожке.

Девушка оглянулась: к ее ужасу, брат быстро ее нагонял. Она повернула направо и побежала по свежескошенной траве.

Оливер подхватил ее на руки и развернул к себе лицом.

– Тебя мало задушить, маленькая язва! – Он поставил ее на ноги, но продолжал удерживать за плечи, чтобы она не могла сбежать. – Тебе никто не говорил, что леди не пристало подмечать такие детали, как следы от укусов на шее братьев?

Она показала ему язык.

– Нет. Наверное, мама пропустила эту лекцию.

Оливера развеселило ее нежелание каяться.

– Что ж, тогда сделай мне одолжение и не рассказывай маме об укусе. Мне бы хотелось избежать ее обычных причитаний о том, что я вылитый отец.

Говорил он легко, как будто даже шутливо, но Темпест с удивлением заметила во взгляде брата отголосок застарелой боли. Но длилось это долю секунды, она и сказать ничего не успела.

Оливер щелкнул ее по носу.

– Если уж быть абсолютно честным, это была не девица из таверны. А доярка.

Темпест закатила глаза: для нее это было одно и то же. Молодость, привлекательность и титул Оливера заставляли охотиться на него половину девиц из их прихода. Как ни печально, но брату даже в голову не приходило отказываться от их предложений.

– Отлично. Я обещаю, – сказала она: ей было легко давать обещания, сейчас она чувствовала себя такой великодушной. – Ни словечка о твоей огромной рыбе.

Оливер засмеялся вместе с сестрой, но тут же посерьезнел, обхватил ее за плечи.

– Я очень хотел поговорить с тобой один на один. О том, что произошло, пока меня не было.

Темпест высвободилась из его хватки.

– Тебе миссис Шиэн наябедничала... – Она сделала пару шагов назад, когда Оливер двинулся на нее. – Конечно, она, кто же еще! И как же долго она ждала, прежде чем насплетничала вам с мамой?

Брат пристально посмотрел на сестру.

– Я решил, что миссис Шиэн лучше маме ничего не рассказывать о случившемся. Я заверил, что сам все решу.

– Великолепно! Значит, теперь ты решил, что имеешь право читать мне нотации? – воскликнула она, чувствуя себя обманутой дурочкой.

Брат стоял между ней и домом. Если она попытается проскользнуть мимо него и побежать к себе, ей не успеть.

– Никаких нотаций, Темпест. Я решил, что ты захочешь рассказать свою версию истории, – ответил он спокойно, ничуть не смутившись вспышкой гнева.

– А Августу с Арабеллой ты тоже спрашивал?

Оливер нахмурил лоб.

– А нужно было?

Темпест покачала головой. Она сомневалась, что Арабелла рассказала бы о том, что они видели на реке. Оливер был слишком спокоен – значит, понятия не имел о случайной встрече с Шансом и его друзьями.

– Нет. Оставь их в покое. Зачем пугать их, когда я стою здесь, прямо перед тобой.

– Я не пугаю, а всего лишь задаю вопросы. И пока ты ни на один не ответила.

Темпест вздохнула.

– Полагаю, миссис Шиэн сообщила тебе, что у нас днем были гости?

– Да, она упоминала трех джентльменов, которые скакали вдоль реки и повернули к вашему лагерю, когда заметили тебя и девочек. – Он задумчиво смотрел на нее, от чего Темпест становилось неудобно. – Ближе к делу. Почему ты мне ничего не сказала?

Темпест пожала плечами.

– Как-то вылетело из головы.

– Неужели? Серьезно? Совсем на тебя не похоже. – Легкая улыбка смягчила его резко очерченный рот. – На тебя, девушку, которая может цитировать целые страницы из любимых книг.

Она прикусила нижнюю губу, размышляя над тем, чего ей будет стоить правдивый рассказ.

– Ты прав. Эти джентльмены не вылетели у меня из головы. Более того, я даже просила миссис Шиэн не упоминать об их визите, потому что подумала, что ты можешь решить, что эти джентльмены приблизились к нам с дурными намерениями – а это совершенно не так. Мы предложили им по стаканчику сидра, обменялись любезностями, потом они поскакали своей дорогой.

Не следовало говорить Оливеру, что трое джентльменов искали любопытных девиц, которые подглядывали за тем, как они развлекаются на берегу речушки.

Или признаваться в том, что она видела Шанса без одежды?

Оливер сердито взглянул на сестру.

– И только-то? Больше ничего не произошло?

– Нет. А что еще тебе рассказала миссис Шиэн? – поинтересовалась она, жалея, что не в ее силах уволить их дуэнью-предательницу.

– Вдова рассказала такую же точно историю.

Темпест постаралась не показать виду, что эти слова принесли ей облегчение.

– В таком случае, твое любопытство удовлетворено. Вероятно, нам стоит вернуться в дом.

– Не совсем, – ответил Оливер, понижая голос и прищуриваясь. – Миссис Шиэн поведала, что вы с одним из джентльменов довольно продолжительное время беседовали. На ее взгляд, вы были знакомы. Она обеспокоена, где вы ранее могли встречаться. Возможно, тайком.

Темпест даже рот открыла от удивления.

– Прошу прощения? Какая несусветная чушь!

– Неужели? – Брат шагнул ближе, на сей раз она не стала пятиться. – А миссис Шиэн считает иначе.

– Что ж, миссис Шиэн ошибается. Либо она пила кое-что покрепче сидра, либо ей просто необходима новая пара очков. – Темпест подхватила спереди подол юбки и попыталась обойти брата, но тот перерезал ей путь. – Что еще ты хочешь от меня услышать?

– Правду, черт побери! Кто этот мужчина? Как давно вы тайно встречаетесь? – настаивал Оливер.

– Это ты, братец, тайно с кем-то встречаешься. – Ее карие глаза потемнели и метали молнии. – А не я.

С Темпест было довольно. Она обошла брата и направилась к дому. Его следующие слова заставили Темпест остановиться.

– Будет хуже, если обо всем узнает отец.

Девушка обернулась лицом к своему старшему брату.

– Ты мне угрожаешь, Маркрофт? Серьезно?

Оливер убрал со лба упавшую на левый глаз прядь волос.

– Просто расскажи мне правду. Кто тебе тот мужчина?

– Почему ты настойчиво утверждаешь, что Шанс для меня что-то значит? Говорю тебе, я с ним познакомилась только сегодня. Если миссис Ши...

– Шанс! – перебил ее брат. – Значит, джентльмена, с которым у тебя, по мнению миссис Шиэн, любовная связь, зовут Шанс.

«Оливер не знает их имен».

Темпест едва не взвыла от собственной оплошности. Она-то решила, что наставница уже рассказала брату, как зовут всех троих джентльменов.

– Сколько раз тебе повторять: у меня с этим человеком нет никакой любовной связи! Ни с ним, ни с кем бы то ни было еще! – Она понизила голос до угрожающего рычания.

– И как же зовут остальных двух?

– Послушай, Оливер...

– Назови их имена, – требовал брат. Ее спокойствие таяло, подобно слежавшемуся снегу в солнечный теплый день. – Я хочу услышать их сию же минуту.

Что-то в глазах брата подсказывало Темпест: если она соврет, ей несдобровать.

– Торн... а третьего звали Сент-Лион.

Она была совершенно не готова к тому, что он схватит ее за плечи и поднимет вверх – теперь она касалась земли только кончиками пальцев ног.

– Шанс, Торн и Сент-Лион. Ты, маленькая дурочка, знаешь, кто они?

– Оливер, мне больно, – сказала она, презирая себя за едва заметную дрожь в голосе.

Он отпустил ее так поспешно, что она споткнулась и едва не упала. Темпест настороженно смотрела на брата.

– Я тебя не обманываю. Я не знаю этих людей. Они уехали так быстро, что не успели представиться как должно.

– Значит, они не знали, кто вы? – Он выругался, когда она вздрогнула.

– Я спросила у Шанса, знает ли он тебя. – Неожиданно ей стали понятны реакции мужчины. – Я назвала ему твое имя.

– И что он ответил?

Она всматривалась в бесстрастное лицо брата.

– Он ответил, что незнаком с тобой. Но я решила, что он врет.

– Человек, назвавшийся Шансом, – Матиас Рук, маркиз Фейрлэм.

Темпест почувствовала, как побледнела.

– Он – из семейства Рук?! Ты уверен?

– Конечно, уверен, Темпест, черт побери! – Оливер встал перед сестрой и пальцем постучал ей по лбу. – Кому, по-твоему, я обязан своими синяками? Этот ублюдок ударил меня головой о деревянный столб.

Темпест удержалась от того, чтобы заметить, что и Шансу в этой стычке тоже досталось.

– Клянусь тебе, я понятия не имела, что он – Рук. А остальные двое – его братья?

Оливер покачал головой. Если бы рядом росло дерево, он бы от ярости ударил в ствол кулаком.

– Сент-Лион – это виконт Бастрелл. Торн – граф Кемпторн. Они с Фейрлэмом родственники. По-моему, двоюродные братья.

– Я этого не знала.

Темпест опустила взгляд и заметила, как дрожит ее рука. Новость, что человек, который с ней флиртовал, оказался одним из семьи Рук, ее просто ошарашила. Шанс совершенно не был похож на отпрыска этого семейства. Да, честно признаться, Темпест понятия не имела, как выглядят члены семьи Рук. Если вспомнить рассказы отца о герцоге Блекберне, то можно было ожидать, что его наследник обязательно должен быть уродливым горбуном с черными гнилыми зубами и глазами, в которых горит адский огонь. Ее семья и семья Рук вращались в разных кругах. Она могла бы на улице столкнуться с целым семейством Рук и даже не понять этого.

Господи боже! Она видела одного из Руков обнаженным!

Должно быть, на лице девушки отразилась растущая паника, потому что брат притянул ее к себе и обнял.

– Я понятия не имела.

– Знаю, – пробормотал он ей в волосы. – Фейрлэм зашел слишком далеко. Я вызову его на дуэль за такое оскорбление.

Темпест отпрянула, чтобы посмотреть брату в глаза.

– Нет. Нельзя.

Он злобно засмеялся.

– С огромнейшим удовольствием.

– Оливер, он тоже не знал. – Она не понимала этой черты характера своего брата: он казался таким кровожадным. – Послушай, лорд Фейрлэм понятия не имел, что я – из семьи Брант, когда подъехал к нам. Должно быть, он не меньше меня был потрясен, когда я сообщила ему, что мой брат – лорд Маркрофт.

– Это ничего не меняет.

– Как ты можешь так говорить? Конечно, меняет! – возразила она, подозревая, что из них двоих только она сохраняет благоразумие. – Оливер, как только Шанс услышал твое имя, он с приятелями немедленно уехал. Он не испытывал ни малейшего желания общаться с кем-то из семейства Брант.

Шанс уехал настолько поспешно, что Темпест даже обиделась.

– Ублюдок!

Темпест не знала о давней вражде Шанса и Оливера. По всей видимости, история между ними произошла неприятная.

– Ты не можешь бросить ему вызов.

Оливер сердито возразил:

– Я не был бы в этом так уверен. Фейрлэм ненавидит нашу семью. Я бы не удивился, узнав, что он намеренно вас разыскивал.

– Нет, Оливер...

– Да, черт побери! Ты его не знаешь! А я знаю! Если бы он мог как-то через тебя усть нашу семью, он бы своего шанса не упустил.

– Нельзя винить Шанса во всех грехах.

– Перестать употреблять это дурацкое прозвище! – Он сдвинул брови, как будто надеялся выбить из нее признание. – Если только ты больше ни в чем не хочешь признаться?

Она стиснула зубы и едва справилась с желанием накричать на старшего брата.

– Лорд Фейрлэм не виноват. Это я виновата в том, что он искал меня.

Оливер потряс кулаками у висков.

– Темпест, ты говоришь глупости. Так ты его знаешь или нет?

– Нет! – Она подняла руку в знак того, чтобы он ее не перебивал. – Он искал того, кто наблюдал за ним и его друзьями.

Ее бедный брат явно был сбит с толку.

– Что-что?

Темпест собралась с духом.

– Вышло совершенно случайно, и мне мало что удалось разглядеть, поскольку двое уже были в реке.

– Чего разглядеть? – заорал он.

Она виновато посмотрела на брата.

– Э-э-э... плоти. Неужели я забыла упомянуть, что джентльмены были без одежды, когда я на них случайно наткнулась?

– Темпест!

– Теперь-то ты понимаешь, что нельзя бросать вызов Шансу... лорду Фейрлэму, – поспешно исправилась она, заметив сердитый взгляд брата. – Или упоминать о случившемся при матери и отце. Да вообще при ком бы то ни было. Оливер, пожалуйста. Пострадает моя репутация, если пойдет молва, что я подглядывала за полуобнаженными джентльменами. Представь, какой будет скандал! Больше мне в свете появиться будет нельзя!

– Из любви к... – Оливер вернулся к скамье, где они раньше сидели, опустился на нее, потому что ноги его больше не держали.

Глава 6

Лучше бы Темпест солгала брату о своей встрече с лордом Фейрлэмом и его друзьями.

Несмотря на то что Оливер оделся для выхода в свет, к радости матери, он заявил, что присоединится к семье за ужином. Темпест совсем отчаялась, заслышав эту новость. Его внезапное желание провести вечер в кругу семьи не имело никакого отношения к усталости, на которую он сослался. Причина крылась в ней, его сестре.

Как обычно, повар превзошел самого себя, но из-за Оливера Темпест едва прикоснулась к каждому из блюд. Ее противному братцу удалось отвлечь матушку остроумными анекдотами, хотя сам он сердито поглядывал на сестру поверх бокала с вином. Арабелла заметила пробежавшую между старшими братом и сестрой кошку и пыталась увлечь Оливера разговором. Но его внимание неизменно было приковано к Темпест. Казалось, что Августа была единственной из присутствующих за столом, кто искренне наслаждался произведениями повара – она радостно делилась кусочками мяса с мопсом маркизы.

Темпест смиренно выдержала задумчивый, неодобрительный взгляд брата. На протяжении ужина внутри у нее все сжималось: она ждала, что он расскажет маркизе, что Темпест не только флиртвала с одним из семейства Рук, но ее еще и угораздило полюбоваться его голым задом.

Разгневанный взгляд Оливера говорил о том, что его так и подмывает рассказать о ее глупости. Единственное, что ей оставалось, – сидеть и ждать, когда же Оливер сообщит новость, после которой ее отошлют в одно из поместий поменьше или больно высекут кнутом. А возможно – и то и другое: маркиз Норгрейв наверняка расценит ее общение с наследником врага как непростительный грех.

Когда маркиза встала и пригласила всех переместиться в музыкальный салон, Темпест извинилась, сказала матери, что неважно себя чувствует и хочет подняться к себе в комнату. Оливер взглядом проводил ее из комнаты. Если он собирался выдать сестру матери, то ни за что бы не отказал себе в удовольствии сделать это в присутствии самой Темпест.

Служанка помогла ей раздеться и лечь. Девушка отпустила молоденькую служанку, сказала, что до конца вечера помощь ей не понадобится. К несчастью, было еще слишком рано, и сон не шел. Она села за маленький письменный столик и открыла альбом для эскизов. Рисование всегда ее успокаивало, когда она была чем-то встревожена, к тому же за работой она могла спокойно провести несколько часов.

Через два часа негромкий стук в дверь прервал добровольное одиночество Темпест. Девушка встала, закрыла альбом, подошла к двери, чтобы впустить в комнату Арабеллу, пока мама не увидела, что старшая дочь еще не спит. У Арабеллы было доброе сердце. Должно быть, по поведению Оливера за ужином и расстроенному виду Темпест она догадалась, что брат каким-то образом узнал о непрошенных гостях.

Темпест повернула ручку двери и уже хотела поприветствовать сестру. Открыла дверь и...

– Оливер? – Девушка не могла скрыть удивления. – Вот уж не ожидала!

В правой руке брат держал маленький поднос, накрытый белой салфеткой.

– Можно войти? – вежливо спросил он. Темпест с удивлением заметила, что на его лице нет ни следа от недавнего недовольства.

– Конечно, – кивнула Темпест, давая ему пройти в комнату. Она дождалась, когда он пройдет вглубь спальни, и закрыла дверь.

Оливер взглянул на ее кровать. Служанка постель разобрала, но по несмятым подушкам и простыням было понятно, что Темпест не спала.

– Мама укоряла меня из-за нашей дневной прогулки.

– Почему?

– Ее беспокоило твое отсутствие аппетита. К тому же ты рано легла спать. Она винит меня в том, что твоя тонкая натура перенапряглась.

– Надеюсь, ты развеял ее опасения.

– Я заверил ее, что ты всегда отличалась отменным здоровьем, – ответил он, шагнув к письменному столу. Свободной рукой он подвинул альбом и поставил поднос. – Однако я предположил, что, как и все самовлюбленные девицы, ты, вероятнее всего, волнуешься о том, что не влезешь в новые платья, которые мама заказала для Лондона.

Совершенно забыв, что должна быть с братом поласковее, Темпест подошла к Оливеру и ущипнула его за руку.

– Как ты смеешь намекать на то, что я слишком толстая и не влезаю в платья! – У нее была прекрасная фигура. Девушка была не слишком худой, не слишком толстой.

Ее брат потер руку и засмеялся.

– Я и не говорил, что ты толстая. Просто сказал, что ты волнуешься, о том, чтобы платья хорошо сидели. На мой взгляд, такое объяснение твоего странного сегодняшнего поведения меньше расстроило мать.

– Значит, ты все рассказал маме?

– Хотел рассказать, – признался он, а его суровое выражение лица говорило о том, что он до сих пор злится. – Но кто же будет оберегать тебя от неприятностей, если тебя отошлют в деревню, когда все остальные члены семьи отправятся в Лондон?

Темпест кивнула на накрытый поднос на письменном столе.

– И что ты мне принес?

– Крепкий бульон и тосты с маслом, – мрачно ответил он. – Я сказал повару, что ты сегодня чувствуешь себя плохо. Чтобы он приготовил что-то легкое для желудка. Тебе понадобятся силы.

Подобная предусмотрительность со стороны брата была неожиданной, и Темпест тронул его жест.

Она из-за спины брата стянула салфетку, которой был накрыт поднос. Под серебряной крышкой в широкой чашке был налит бульон. Его она не тронула, а подхватила тост с маслом и откусила.

– Мир? – спросила она, продолжая жевать. Потом проглотила кусок тоста.

– Не совсем. – Он выдвинул стул и пригласил ее сесть. Когда она села, он поставил рядом второй стул, чтобы они сидели бок о бок. – Считаю это чем-то вроде подкупа.

Правая бровь девушки изумленно изогнулась.

– Слишком маленькая взятка, честно говоря. Если ты хотел меня подкупить – следовало принести еще и десерт.

Темпест шутила, но разгневанный вид брата свидетельствовал о том, что ему сейчас не до шуток. Он что-то искал в кармане фрака. У Темпест едва глаза не вылезли из орбит, когда он достал из кармана яблоко и положил его рядом с подносом.

– Десерт.

– Оливер! Ты действительно меня любишь! – Темпест нагнулась поцеловать его в щеку, но Оливер напрягся и отстранился. Девушка вздохнула, стараясь не обидеться на такую реакцию. – Или я ошибаюсь? Ты говорил о взятке.

– Фейрлэм.

Вот как! Значит, братец еще не закончил пенять ей за Шанса с приятелями.

– Почему мы опять поднимаем эту тему? Оливер, я рассказала тебе чистую правду. Я понятия не имела, что джентльмен, с которым я беседовала днем, из семейства Рук.

Его лицо несколько смягчилось.

– Я знаю. Когда я наблюдал, как ты дуешься за ужином, вспомнил о нашем разговоре в саду и понял, что виноват перед тобой, Арабеллой и Августой.

Опять ему удалось ее удивить.

– В чем?

– В том, что оставил вас, девушек, без защиты. – Он взглянул на свои крупные руки, шрамы на которых свидетельствовали о том, что он не всегда носит перчатки, чтобы защитить кожу. – Я был раздосадован тем, что мне поручили присматривать за вами, хотя считал, что миссис Шиэн вполне способна и в одиночку справиться с этой задачей. Если бы я остался, ничего бы с тобой на реке не приключилось. А если бы Фейрлэм набрел на наш лагерь, я бы с ним побеседовал, как положено.

– Ты оказался бы один против троих, Оливер, – напомнила она ему.

– Ты недооцениваешь мои умения и мою ненависть, дорогая сестричка.

Темпест задрожала, несмотря на то что куталась в толстую шаль. Она не понимала, почему ее брат настолько сильно презирает лорда Фейрлэма. Потом она вспомнила реакцию маркиза, когда он узнал, что она – из этого ужасного семейства Брант. Когда он прощался, в его голосе не осталось даже намек на ту теплоту, которую он демонстрировал ранее по отношению к ней и ее сестрам. Казалось, что в его сердце точно так же бурлит ненависть, как и в сердце ее брата.

Темпест откусывала от тоста маленькие кусочки.

– Я не хочу быть виноватой в том, что ты бросил вызов лорду Фейрлэму.

– Именно поэтому я и хотел поговорить с тобой наедине. Когда семья переедет в Лондон, существует вероятность того, что ты снова с ним встретишься.

Девушка наморщила носик.

– Маловероятно. Прошлой весной мы не встречались ни разу. – Она была уверена, что такого красивого джентльмена, как маркиз Фейрлэм, она бы запомнила.

Брат нетерпеливо взглянул на сестру.

– Отец полагал, что в прошлом сезоне все твои мысли были заняты другим джентльменом.

– Да уж. Как любезно с твоей стороны напомнить мне о моей неудаче, братец, – пробормотала она, бросая недоеденный тост на тарелку. – К сожалению для всех заинтересованных сторон, маркиз Райнхарт влюбился в другую!

Оливер выругался себе под нос.

– Райнхарт – дурак!

– Папа думал, что из него выйдет приличный супруг и что он станет чрезвычайно ценным зятем, – беспечно заявила она. – Думаю, отец до сих пор оплакивает эту потерю.

Гордость Темпест была несколько задета тем, что Райнхарт предпочел ей другую даму, но, к счастью, она не позволила себе влюбиться в этого джентльмена. Вероятно, ее сердце раньше разума решило, что они с маркизом совершенно друг другу не подходят.

Оливер похлопал по ладони сестры, которая лежала у нее на колене.

– Неужели Райнхарт разбил твое сердце, Пест?

Ранее никому из родных не приходило в голову задать ей этот вопрос. В особенности тогда, когда отец стал придавать этой помолвке такое большое значение.

Темпест покачала головой.

– Было бы великолепно, если бы я влюбилась в джентльмена, которого выбрал для меня отец. И тем не менее я ничего подобного не почувствовала. Некую увлеченность... да. Он приятный человек. Ни земля под ногами не разверзлась, ни звездочек перед глазами, ни музыки... – Она запнулась, облизала губы. – Хочу тебе признаться. Только пообещай, что никому не расскажешь.

– Обещаю.

Темпест избегала смотреть брату в глаза.

– Я часто задаюсь вопросом, Оливер: может быть, во мне что-то не так? Возможно, я вообще не способна влюбиться.

– Ерунда! – возмутился брат. – Ты просто слишком чувствительна. Ты же любишь свою семью, разве нет? Значит, в твоём сердце найдется место и для новой любви.

Оливер не понимал. Она перевернула его руку и стала водить по линиям на ладони.

– Ты хочешь сказать, что наши родители любят друг друга?

– Я как-то об этом не думал.

Да, никто никогда не поднимал этот вопрос.

– Вероятно, еще остается чувство долга и некая привязанность, потому что они уже столько лет живут вместе. – Темпест сосредоточенно нахмурилась, пытаясь собраться с мыслями. – Однако я бы не сказала, что между ними царит любовь.

– Как это ни назови, но родители довольны. – Оливер накрыл ее ладонь своей рукой. – Темпест, откуда такие мысли?

– Наверное, из-за ожиданий... – Она осторожно убрала свою руку. – Я же не похожа на Арабеллу, которая с легкостью заводит новых друзей в бальном зале, где полным-полно незнакомцев. Мне кажется, и любовь придет к ней так же легко. Я из иного теста.

– Немного осторожности не повредит! – заметил он, прищурившись. – А что касается новых друзей... не думай, что я уже забыл, как ты умудрилась подружиться с сыном одного из врагов отца.

«Только не это! Опять!»

– Это совершенно иная ситуация. Я так боялась, что лорд Фейрлэм с приятелями догадуются, что я... – Заметив грозный лик брата, она проглотила остаток фразы. – И, как ни крути, я с этими джентльменами не флиртовала. Элементарная вежливость.

– Даже проявление элементарной вежливости к кому-то из Руков – неприемлемо, Темпест. Если отец узнает...

От одной мысли ее бросило в дрожь.

– Я не собираюсь ничего рассказывать ни ему, ни маме. А ты?

Молчание и пристальный взгляд брата заставили Темпест заерзать на стуле. Наконец он коротко бросил:

– Нет.

– Спасибо, Оливер, – поблагодарила она, поборов в себе желание броситься его обнимать. – Можешь не волноваться, больше от меня о лорде Фейрлэме ты не услышишь. Если волею судьбы мы встретимся в Лондоне, клянусь, я развернусь и пойду в противоположную сторону.

Он, казалось, не до конца поверил ее клятве.

– А если он сам к тебе подойдет?

– Я тут же дам ему от ворот поворот! – решительно заявила она. – Хотя подобное маловероятно. Маркиз вряд ли сам заговорит со мной теперь, ведь он знает, что я – из семьи Брант.

Оливер медленно кивнул. Казалось, ее ответы полностью его удовлетворили.

– Ты же скажешь мне, если Фейрлэм станет тебе докучать, да?

– Разумеется, – солгала она, скрестив пальцы в складках юбки.

Темпест со вниманием отнеслась к словам брата о маркизе, но она не желала стать поводом для драки этих двух джентльменов.

Если лорд Фейрлэм к ней приблизится, она сама даст ему отпор.

Глава 7

Три недели спустя

Матиас не предполагал, что может увлечься певчими птичками.

На третий день пребывания в Лондоне его представили мисс Кларе Кинг. И хотя эта миниатюрная девица с пышными формами и непревзойденным сопрано была на два года старше Матиаса, она держалась и разговаривала так, как будто только что избавилась от опеки дуэньи. И тем не менее ни в ее таланте, ни в аппетитах не было ничего детского. С момента ее приезда в Лондон в конце апреля на каждом ее представлении были аншлаги, и в определенных кругах высшего света она стала довольно популярной. Певицу постоянно окружали толпы поклонников, но прекрасная Клара дала Матиасу понять, что он – один из ее фаворитов.

Он понимал, что эта неглупая женщина упивается собственным успехом. Ей хотелось, чтобы ее добивались легионы воздыхателей. Понимал, что она, поразмыслив, проведет строгий отбор и выберет себе одного-двух любовников, которые и будут осыпать ее в знак любви роскошными подарками.

Матиас не сомневался, что вскоре они с Кларой станут любовниками. Благодаря умелой тактике и напору он уже сорвал с ее губ пару поцелуев. Она уже выделяла его из многих. Когда он заглядывал к ней в гримерку, она всегда просила, чтобы все вышли и оставили их наедине.

Матиас гадал, сможет ли он сегодня вечером проводить ее из театра и уложить в постель? Он достал из кармана жилета часы. Да, судя по времени, мисс Кинг уже выступила и, скорее всего, принимает ухаживания в своей гримерке. Пока Матиас сидел с приятелями, на его губах играла легкая улыбка: он подумывал о том, как он их покинет и направит все свое умение обольщать на женщину, которая завладела его помыслами.

– Нет.

Матиас сердито взглянул в затылок мужчины, сидящего перед ним, но чуть левее.

– Вы что-то сказали, ваша светлость? – спросил он, намеренно упоминая титул с презрительной усмешкой в голосе, чтобы привлечь внимание приятеля.

– Сказал. Ты же не покинешь нас, чтобы пофлиртовать со своей актрисулькой, Шанс?

Антуан Роллан Севар, принц Гальен в изгнании, поерзал в кресле и, как бы ненароком, положил руку поверх своего и соседнего кресла. Его подруга сидела рядом и не отказала себе в удовольствии опереться на руку принца, который сразу же стал поглаживать пальцем ее шею. Дама вздрогнула.

– Откуда ты, черт побери, все знаешь? – удивился Матиас, досадуя на то, что его мысли настолько очевидны. – Ты ведь даже не смотрел на меня.

Его приятель поморщился и постучал по крылу носа. Засмеялся, заметив, что Матиас зарделся.

Принцу не исполнилось и года, когда его родителей свергли с престола во время *la Grande Terreur* – Французской революции – и казнили без суда. Маленькое княжество Гальен было захвачено Францией, маленького принца тоже бы казнили, если бы кто-то из аристократов, верных казненному королю и королеве, тайком не вывез его из страны. Еще год понадобился, чтобы приятель Матиаса ступил на землю Англии. Осиротевшего ребенка приняла королевская семья, и отец Матиаса был одним из тех аристократов, которые предложили свою помощь. В Англии приятель предпочитал, чтобы к нему обращались менее громко и называли просто герцогом Рейнбо. Свой королевский титул он использовал только при дворе или в беседе с несимпатичными ему людьми.

– Когда тобой овладевает похоть, ты становишься суетлив, мой друг, – ответил герцог, озорно блеснув сине-зелеными глазами.

– Ты, по крайней мере, сидишь впереди, а не рядом, – проворчал Сент-Лион. – Горячие скакуны бьют землю копытом с меньшим энтузиазмом.

– Какое очаровательное сравнение с нашим другом. Обязательно упомяну о нем в своем следующем письме Гидеону, – сказал Торн, имея в виду своего брата-близнеца, который отправился посмотреть мир. – Почему бы тебе просто не уложить девицу в постель и не покончить с этим?

– Согласен. Мисс Кинг держит тебя и остальных дурачков, которые ухаживают за ней, на коротком поводке, Шанс, – заявил Сент-Лион, не обращая внимания на сидящую рядом с ним даму.

– А я удивлен, Сент-Лион, как она тебя не заарканила! – пробормотал Матиас, наплевав на то, что его слова не слишком учтивы.

Виконт быстро взглянул на свою спутницу, которая была дочерью добрых друзей его родителей. От перепалки ее отвлекло представление бульдогов, которые проделывали трюки на манеже¹. Виконт был законченным повесой, но ради семьи он мог проявить определенное благоразумие.

Он наклонился к Матиасу.

– Если бы она меня заинтересовала, я бы связал эту девицу ее же поводком и заках бы между ее ног. Однако мисс Кинг на мой вкус, если хочешь знать правду, мелковата.

– И знать не хочу, – мимоходом заметил Торн. Они с Матиасом не пригласили в свои ложи дам.

И приятель его не преувеличивал. По какой-то неведомой причине он был любимцем женщин.

– Мне нравится, когда здесь... побольше, – продолжал Сент-Лион, поднеся сложенные полукругом руки к груди. Жест, не требующий объяснения. – И поокруглее.

– И так достаточно, – возразил Матиас, не желая все переводить в шутку.

Рейнбо засмеялся.

– Сент-Лион, пощади нашего друга. Нам прекрасно известно о твоём побеге. Ты вдохновляешь всех нас.

Матиас заметил, что их перепалка не помешала принцу неторопливо соблазнять свою спутницу. Рейнбо поднес ручку дамы ко рту и потерся губами о затянутую в перчатку ладонь. Ее внимание всецело поглотил сидящий рядом мужчина.

Пока все женщины в жизни маркиза Фейрлэма и в жизни его друзей были лишь мимолетными увлечениями. Они были молоды, поэтому и семья, и друзья прощали им эгоизм молодости. Женщин, которые искали их внимания и делили с ними постель, замужество не привлекало. Им был нужен любовник и защитник, и они ценили собственную свободу так же сильно, как ценил ее сам Матиас и его приятели.

Наблюдая за Рейнбо и его будущей любовницей, предвкушавшими, что скоро они окажутся в постели, Матиас мысленно вернулся к мисс Кинг. Именно поэтому его и прозвали Шанс. Он любил рисковать, и чаще всего его риск окупался с лихвой.

¹ Возможно, имеется в виду знаменитый Амфитеатр Астлея (Astley's Amphitheatre) – английский цирк; существовал в Лондоне с 1780 по 1895 год. Назван по фамилии владельца цирка Ф. Астлея. В 1794 году Амфитеатр сгорел дотла, но Астлей отстроил его заново. Девять лет спустя в Амфитеатре снова вспыхнул пожар, после чего на смену сгоревшему деревянному пришло здание с каменными перекрытиями. Оно было построено по проекту Джона Гендерсона Грива и названо Королевским амфитеатром искусств. Диаметр манежа достигал сорока четырех футов; за манежем, отделенная от него оркестровой ямой, располагалась сцена. Удачное сочетание сцены с цирковой ареной и возможность обращать часть арены в партер позволяли давать в Амфитеатре Астлея, помимо чисто цирковых и эстрадных программ, также театральные представления. (Здесь и далее примеч. пер.)

Матиас встал. Принц застонал, когда его спутница поцеловала его в подбородок. Он схватил Матиаса за руку, чем немало удивил его.

– Постой. Если тебе стало скучно, можем отправиться в одну из таверн или куда-нибудь поиграть.

– Я за карты, – заявил Торн, ни к кому конкретно не обращаясь.

Сент-Лион откашлялся, пытаясь привлечь внимание Матиаса. Едва заметно кивнул на сидящую рядом с ним даму.

– Я должен остаться до конца представления, но попозже обязательно к вам присоединюсь.

Матиас прекрасно понимал, что Сент-Лион должен выполнить обязательства перед семьей. У него самого случались вечера, когда приходилось поступать вопреки своим желаниям. Он перевел взгляд на Рейнбо.

– Наши планы на вечер не меняются. Придется вам обойтись без меня, пока я буду поздравлять мисс Кинг. Дама меня ждет и подумает, что что-то случилось, если я не загляну к ней в гримерку.

Кровожадная улыбка на губах принца свидетельствовала о том, что он от всего сердца одобряет намерения Матиаса, о которых приятель умолчал.

– А если сладкоголосая птичка не ограничится только томительно долгим поцелуем?

– Если буду задерживаться, я дам вам знать. – Матиас хлопнул Торна по плечу, кивнул Сент-Лиону, протиснулся мимо приятелей и покинул ложу.

Маркиз шагал по переполненному людьми полутемному коридору к лестнице. Здание театра восстанавливали уже в третий раз. Первые два сгорели. Чем ниже он спускался, тем резче пахло животными, навозом, сеном и потом. Леди с джентльменами, которые взбирались по лестнице, прикрывали носы надушенными платками в надежде, что на верхних этажах запах будет не так слышен.

Взгляд привычно скользил по лицам, Матиас даже несколько раз кивнул знакомым. Медленнодвигающаяся толпа людей не давала возможности остановиться и с кем-то поговорить – и слава богу! Он и так слишком задержался с друзьями. Благосклонность мисс Кинг вещь непостоянная, и соперники наверняка воспользуются его отсутствием.

Погрузившись в размышления, он не был уверен, какая именно деталь привлекла его внимание, когда взгляд остановился на одной из идущих навстречу леди. В плохо освещенном коридоре ее кружевное платье поверх белой атласной нижней юбки светилось подобно приглушенным полосам лунного света. Квадратный вырез и короткий рукав не скрывали искусно вылепленной фигуры – он как знаток отметил грациозные изгибы плеч, изящную линию шеи и тонкий профиль. Дама беседовала с подругой, поэтому ее лицо частично скрывал веер. Служанка заколола темно-каштановые волосы и спрятала большую их часть под *toque à la Reubens* – женскую шляпку без полей, расшитую драгоценными камнями и украшенную белыми перьями. Не одна она выставляла напоказ свое богатство, но в эту часть города респектабельные дамы редко заглядывали.

Неужели она настолько глупа? Или это просто удачливая куртизанка?

Если встреча с мисс Кинг окажется недолгой, он мог бы убедить таинственную даму с подругой провести этот вечер с ним и его друзьями. Как будто почувствовав его внимание, дама опустила веер и встретилась взглядом с Матиасом.

В глазах вспыхнуло узнавание. И Матиас тут же узнал эти глаза – орехового цвета с крошечными янтарными прожилками.

Леди Темпест Брант.

Матиас поджал губы, когда удивление на лице девушки сменилось испугом.

«Интересно, когда она приехала в Лондон?»

Девушка что-то прошептала своей спутнице, в которой теперь Матиас узнал сестру Темпест, леди Арабеллу. Заметив его, она так и засветилась от радости, но энтузиазм тут же погас – скорее всего из-за поспешного объяснения сестры, почему им любой ценой следует избегать Матиаса.

«Да, дамы, я один из этих ужасных Руков!» – захотелось крикнуть ему.

Их реакция должна была бы развеселить Матиаса, но он почему-то ощутил раздражение. Он кивнул, минуя сестер Брант, и леди Темпест его не разочаровала. Она упрямо вздернула вверх подбородок и отвернулась, как будто уже один его вид был для нее оскорбителен.

Леди Арабелла слабо улыбнулась, но позволила сестре увести себя. И тут Матиас заметил миссис Шиэн, которая тащилась за своими подопечными.

– Шанс, добрый вечер, сэр! Как поживаете? – приветствовала его вдова, оглядываясь через плечо, поскольку она не могла остановиться.

– Все отлично, мадам, – ответил он, поскольку не видел причин грубить женщине. Не ее вина, что ее работодатель – отъявленный мерзавец. – Хорошего вечера.

Слишком поздно Матиас пожалел, что у него не было времени предупредить миссис Шиэн быть повнимательнее. Леди Темпест с сестрой сами просились в лапы грабителей. Вокруг, маркиз знал это, немало тех, кого привлекают их драгоценности.

Какого черта, почему он должен о них беспокоиться? Он не хотел даже задумываться об этом.

Это *он*.

Шанс... нет, лорд Фейрлэм, мысленно поправила себя Темпест. Между ними не может быть даже намека на фамильярность. Из-за одного вежливого разговора они друзьями не стали.

«Но и врагами тоже», – мелькнула предательская мысль.

Нет, брат прав. Отец не одобрит знакомства с кем-то из семьи Рук. Она обязана держаться от маркиза подальше. Она должна хранить верность семье, и, судя по холодному насмешливому взгляду, лорд Фейрлэм тоже считает ее своим врагом.

– Почему ты не разрешила мне пообщаться с Шансом? – прошептала ей Арабелла. – По его лицу было видно, что его обидело наше нелюбезное отношение.

Темпест нахмурилась, борясь с желанием почесать лоб. От шляпки начинала болеть голова.

– Уверена, что он это переживет. Сомневаюсь, что Шансу впервые довелось получить от дамы не слишком радушный прием.

Темпест молча гадала, где приятели маркиза. С ним? Друзьям семьи Рук тоже нельзя доверять.

Темпест пожалела, что не может открыть сестре истинных причин, почему они не могут общаться с Шансом и кем-то из его окружения. В тот вечер, когда Оливер заглянул к ней в спальню, он убедил ее, что не следует раскрывать Арабелле с Августой, кто эти джентльмены и каким образом они связаны с семьей Рук, из боязни, что кто-то из девочек может ненароком рассказать о них родителям. Тогда ей показалось, что брат поступает не вполне разумно. Шансы на то, что они когда-либо еще увидятся с лордом Фейрлэмом или его друзьями, почти равны нулю, ведь в минувшем сезоне их пути ни разу не пересеклись. Однако Оливер с ней не согласился, и теперь Темпест сердилась из-за того, что его опасения оказались не напрасными.

– Поторопитесь, девочки, мы пропустим все представление, – жаловалась миссис Шиэн.

К досаде их брата, улицы были битком забиты экипажами и каретами, пока они добились до амфитеатра, поэтому к месту назначения они приехали намного позже, чем рас-

считывали. Арабелла прочла в газетах, что одним из главных событий сегодняшнего вечера будет какое-то представление с дрессированными лошадьми. Она умоляла маму разрешить им побывать на этом зрелище. В конце концов леди Норгрейв согласилась с условием, что они отправятся в сопровождении Оливера, который потом проводит сестер Темпест и Арабеллу на бал к лорду и леди Окстон.

Темпест ожидала, что Оливер начнет противиться, но оказалось, что тот смирился с необходимостью присматривать за сестрами. Или, скорее всего, он подозревал, что они могут встретить лорда Фейрлэма – что собственно и случилось, – и она радовалась, что брат где-то задержался с друзьями. Он велел их наставнице проводить сестер в театральную ложу и пообещал позднее к ним присоединиться.

Как только они устроились в своей ложе, Темпест предупредила Арабеллу, чтобы та не рассказывала брату о том, что они встретили джентльмена, которого сама Арабелла знала только под именем Шанс. Зная Оливера, Темпест не сомневалась, что тот бросится разыскивать маркиза и вызовет на дуэль лишь за то, что он дышал одним воздухом с его сестрами. Или по какой-нибудь другой, не менее глупой причине. Она не хотела, чтобы их вспыльчивый братец испортил вечер, когда они наконец выбрались на бал.

Всю первую неделю своего пребывания в Лондоне они посвятили походам по магазинам и примеркам туалетов. Бал у Окстонов станет первым выходом в свет Арабеллы и вторым шансом для Темпест. Она не хотела разочаровывать семью.

К тому времени как троица достигла четвертого яруса, оказалось, что в ложе осталось лишь одно свободное место.

– Какой ужас! – пожаловалась Арабелла, повернувшись к миссис Шиэн. – Тут должны были быть еще места.

Внизу по арене уже побежали лошади. Арабелла так желала попасть на представление, а теперь уходить? Нет, это было бы нечестно!

– Садись, – прошептала Темпест сестре. – Миссис Шиэн, вы становитесь у перегородки, чтобы окружающие видели, что Арабелла не одна.

Миссис Шиэн не обрадовалась возникшим затруднениям.

– А вы, моя дорогая?

– А я останусь здесь и буду ждать Оливера, – ответила Темпест. – Он вот-вот должен к нам присоединиться. Возможно, он найдет для нас другую ложу.

Миссис Шиэн обвела неодобрительным взглядом переполненный театр.

– Сомневаюсь, что здесь есть свободные места.

Темпест в душе с ней согласилась, но ей не хотелось портить сестре вечер.

– Пойду осмотрюсь. Может быть, мне удастся убедить кого-нибудь из джентльменов уступить свое место.

Мужчины вокруг старательно отводили взгляды, и это не сулило Темпест ничего хорошего.

Матиас протянул свою визитную карточку слуге, охранявшему вход в гримерку мисс Кинг. Тот незамедлительно передал ее служанке певицы. Поскольку сам Матиас опоздал, он ожидал, что Клара заставит его торчать у двери, чтобы он должным образом раскаялся в своем проступке, и лишь потом пригласит его войти. Он услышал в гримерке мужской смех и решил, что если она действительно решит его подразнить, скорее всего, вернется к приятелям раньше, чем ожидал.

Не обращая внимания на стоящего у дверей стража, который понимающе усмехался, Матиас повернулся спиной к двери, а мысли его вновь обратились к леди Темпест и ее сестре. Сегодня на представлении собралась буйная толпа. Элегантные наряды же встреченных дам свидетельствовали о дальнейших планах на вечер. Матиас гадал, куда именно они

отправятся после представления. На сегодняшний вечер дворецкий передал ему с десятков приглашений. Однако он лишь мельком взглянул на них – они с приятелями искали совсем иных развлечений.

Леди Темпест очень повезет, если ее не ограбят: не стащат шляпку и украшения, в самом театре или позже, когда они выберутся на улицу и станут искать свой экипаж. Миссис Шиэн и две ее подопечных не справятся с решительно настроенным вором.

Матиас поднял голову, слышав какую-то возню у двери мисс Кинг. Два джентльмена обсуждали планы на вечер, когда покидали гримерку. За ними следовали еще трое, а еще через пятнадцать секунд вышел последний. Он кивнул слуге мисс Кинг, и только тут заметил Матиаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.